

**Современное политическое положеніе Памирскихъ
ханствъ и пограничной линіи съ Кашмиромъ.**

Военно-политическій очеркъ.

Г. Новый Маргеланъ.

❧ Типогр. Ферган. Обл. Правленія. ❧

1891.

Печатать разрѣшаю на правахъ рукописи. Сентября « 23 »
дня 1891 года.

Подписалъ: Военный Губернаторъ Ферганской
области, Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Корольковъ*.

Интересующимся судьбою Средней-Азіи хорошо памятни событія 1888 г., извѣстныя въ печати подъ именемъ авганской смуты. Событія эти поразили своею неожиданностью и доказали наглядно непрочность и отсутствіе внутренней связи въ такомъ сильномъ, повидимому, азіатскомъ государствѣ какъ Авганистанъ. Если бы не великодушіе и безпримѣрное въ лѣтописяхъ безкорыстіе Россіи—весь Сѣверный-Авганистанъ вошелъ бы въ составъ Имперіи и Россія, оказавъ защиту и покровительство отложившимся провинціямъ, встала бы твердою ногою на Гиндукушѣ, придя вмѣстѣ съ тѣмъ въ непосредственное сосѣдство съ Кашмиромъ и другими областями внутренней Индіи. Оплоть, воздвигнутый англичанами противъ Россіи и поддерживаемый цѣною громадныхъ матеріальныхъ затратъ, на половину рушился было самъ собою, а занятіе Сѣвернаго-Авганистана и непосредственное сосѣдство съ Индіею причинило бы не мало заботъ и горя остъ-индскому правительству, вызвавъ при этомъ неисчислимыя матеріальныя затраты на укрѣпленіе границъ, занятіе полусамостоятельныхъ ханствъ и т. п.

Не касаясь событій, происходившихъ въ Чаръ-Ви-

лаетъ, я намѣренъ изложить въ сжатомъ очеркѣ только то, чему мнѣ пришлось быть очевидцемъ, или же что происходило въ странахъ по сосѣдству со мною.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое общество, испросивъ разрѣшеніе г. военного министра, снарядило меня въ 1888 г. для изслѣдованія совершенно неизвѣстнаго ханства Канджуть, расположеннаго на южныхъ склонахъ Гиндукуша, на одномъ изъ сѣверныхъ истоковъ рѣки Инда. Экспедиція выступила изъ Маргелана, Ферганской области, 12 Іюля, а 1 Сентября при громѣ тайфуръ и орудія вступила въ столицу ханства г. Бальгитъ ⁽¹⁾ и принята была въ торжественномъ дурбарѣ правителемъ страны Сафдеръ-Али-ханомъ. Одновременно съ прїѣздомъ моимъ въ Бальгитъ получены были смутныя свѣдѣнія, что намѣстникъ Сѣвернаго-Авганистана Исхакъ-ханъ, двоюродный братъ эмира Абдурахмана, отложился и просилъ защиты и покровительства у Бѣлаго Царя, что преданныя эмиру войска бѣжали, очистивъ не только Ваханъ и Шугнанъ, но и весь Бадахшанъ и что въ ханствахъ этихъ водворились законные владѣтели. Вскорѣ Сафдеръ-Али-ханъ получилъ письмо отъ правителя Вахана, Али-Морданъ-Ша, въ которомъ послѣдній, подтверждая все вышеизложенное, сообщалъ, что послѣ бѣгства авганцевъ изъ Вахана, мѣстное населеніе явилось къ нему въ Ишкомаль (провинція Чатрара, куда скрылся Али-Морданъ-Ша послѣ занятія Вахана авганцами) и пригласило принять правленіе, что въ настоящее время онъ уже въ Кала-и-Панджѣ, столицѣ Вахана, въ сопровожденіи 200 чело-вѣкъ чатрарскихъ воиновъ, но, не довѣряя собствен-

(1) На нашихъ картахъ городъ этотъ названъ неправильно Хунза отъ имени провинціи, въ которой находится.

нымъ силамъ, въ виду родственныхъ связей съ Сафдеръ-Али-ханомъ ⁽¹⁾, просить оказать посильную помощь людьми. Сафдеръ-Али-ханъ немедленно отправилъ въ Ваханъ 200 человекъ подъ начальствомъ своего единокровнаго брата и сына вазыра.

Событія эти заставили меня торопиться выѣздомъ изъ Канджута. 7 Сентября мы выступили въ обратный путь, а 22 того же мѣсяца были уже на Памирѣ Данг-нынъ-башъ (Тогдумъ-башъ) въ предѣлахъ Кашгаріи.

Уѣзжая изъ Канджута, я оставлялъ хана серьезно больнымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ меня во дворцѣ и въ торжественной прощальной аудіенціи, въ присутствіи сановниковъ страны и пословъ изъ Гильгита ⁽²⁾, просилъ меня довести до свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что онъ проситъ принять его и страну въ подданство Россіи. Сафдеръ-Али-ханъ, показывая мнѣ письмо Вице-Короля Индіи, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ его письмо, въ которомъ онъ обѣщаетъ сдѣлать страну мою арсепаломъ и казнохранилищемъ Индіи (т. е. переполнить оружіемъ и деньгами). Я ненавижу англичанъ и прогналъ посланцевъ. Я знаю, англичане будутъ мстить мнѣ за это, но я не боюсь ихъ, ибо прислонился къ скалѣ, на которой незыблемо стоитъ Великій Бѣлый Царь“. Дальше онъ просилъ снабдить его хотя бы дву-

(1) Али-Морданъ-Ша женатъ на дочери Амону-уль-Мульба, правителя Чатрара, а сестра Али-Морданъ-Ша замужемъ за Сафдеръ-Али-ханомъ канджутскимъ.

(2) Гильгитскій округъ входитъ въ составъ Кашмира, а г. Гильгитъ находится всего въ 90 верстахъ отъ Бальтита. Когда разнесся слухъ, что русскій офицеръ ѣдетъ въ Бальтитъ, то губернаторъ Гильгита не хотѣлъ этому вѣрить и прислалъ къ Сафдеръ-Али-хану пословъ, которые присутствовали на всѣхъ торжествахъ во время пребыванія моего въ Бальтитѣ. Послы эти, въ знакъ своей безусловной покорности хану были съ веревками на шеѣ. Въ настоящее время въ г. Гильгитѣ живетъ англійскій политическій агентъ, подполковникъ Durend.

мя горными орудіями и сотнею берданокъ, обѣщая никогда не допустить въ страну свою англичанъ. Рѣчь свою правитель Канджута закончилъ словами: „я молюсь о здравіи Бѣлаго Царя, моего Великаго Покровителя“ и, повернувшись къ западу, сотворилъ молитву вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими.

Такое категорическое заявленіе поставило меня въ крайне затруднительное положеніе. Я посѣтилъ Канджута съ научною цѣлью, не имѣя никакой политической миссіи и не зная что отвѣтить хану, избалованному предложеніями и ухаживаніями англичанъ. Поэтому, подтвердивъ еще разъ о совершенно частномъ характерѣ моего посѣщенія, посоветовалъ хану обратиться со своими предложеніями къ **ИМПЕРАТОРСКОМУ** русскому консулу въ Кашгаріи. Сафдеръ-Али-ханъ снарядилъ въ Кашгарію посольство, снабдивъ посла собственноручными письмами къ консулу, туркестанскому генераль-губернатору и министру иностранныхъ дѣлъ. Послу поручено было дойти, по крайней мѣрѣ, до Ташкента и вручить лично письма генераль-губернатору, но консулъ нашъ въ Кашгарѣ задержалъ его, письма отобралъ, а самого въ Ташкентъ не пустилъ. О дальнейшей участи ходатайства Сафдеръ-Али-хана достоверныхъ свѣдѣній не имѣю. Кажется письма отправлены были въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, правитель же Канджута не былъ даже почтенъ отвѣтомъ. Повидимому, такая же участь постигла и письмо Сафдеръ-Али-хана ко мнѣ отъ 30 Августа 1888 г., въ которомъ онъ, узнавъ о Тезоименитствѣ **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, просить довести до свѣдѣнія **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** о его безпредѣльной преданности, при чемъ, между про-

чимъ, пишетъ: „Узнавъ о высокаторжественномъ днѣ, который празднуютъ все подданные Великаго Бѣлаго Царя, я съ моимъ народомъ надѣлъ новыя платья и отпраздновалъ этотъ день настолько торжественно, насколько позволили то средства моей бѣдной страны. У меня одна только пушечка и я приказалъ стрѣлять изъ нея во славу Великаго Государя“ (1).

Вотъ въ общемъ, характеръ отношеній къ намъ, русскимъ, правителя одного изъ самыхъ дикихъ и разбойничьихъ племенъ, какія еще сохранились въ дебряхъ Центральной-Азіи; деспота, предъ именемъ котораго дрожатъ все сосѣди на много сотенъ верстъ въ окружности. Къ этому не лишнимъ считаю добавить, что явился я въ страну въ сопровожденіи 4-хъ казаковъ и что я не могъ прельстить хана ни щедростью, ни подарками, такъ какъ все средства экспедиціи заключались въ 2,000 кр. р., отпущенныхъ мнѣ географическимъ обществомъ, да въ 300 р. золотомъ, подаренныхъ экспедиціи министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ. Впослѣдствіи, когда я вышелъ изъ Канджута и очутился на Памирахъ всего съ нѣсколькими десятками рупій въ карманѣ, безъ лошадей и съѣстныхъ припасовъ, я занялъ въ консульствѣ еще 500 кр. руб. (2) и долгъ этотъ приняло на себя географическое общество. Такимъ образомъ въ общемъ вся сумма расходовъ на экспедицію достигла до трехъ тысячъ руб.

Для характеристики народныхъ чувствъ сообщу

(1) Письмо это передано было мною ИМПЕРАТОРСКОМУ русскому консулу въ Кашгаріи, при чемъ, къ великому сожалѣнію, я не оставилъ у себя копій.

(2) На деньги эти я обследовалъ среднее теченіе Раскемъ-Дарьи и Кашгарскій хребетъ, мѣстности доселѣ никѣмъ не посѣщенныя.

теперь объ отношеніи канджутцевъ къ англичанамъ. За два года до меня посѣтилъ Канджуть полковникъ Локхартъ. Онъ явился въ Канджуть со стороны Гильгита, прошелъ всю страну съ юга на сѣверъ и, чрезъ перевалы Каликъ и Вахджиръ, спустился въ Ваханъ, откуда чрезъ Барогильскій проходъ и Чатраръ вернулся въ Индію. Долго длились переговоры съ отцемъ нынѣшняго правителя Канджута, Газанъ-ханомъ, о пропускѣ полковника Локхарта, который, за пропускъ чрезъ страну, предлагалъ солидную сумму денегъ, но требовалъ заложниковъ, которые гарантировали бы жизнь и безопасность экспедиціи. Наконецъ сдѣлка состоялась. Младшій сынъ его и сынъ вазыра отправились въ Гильгитъ въ качествѣ заложниковъ и оставались тамъ подъ стражею все время, пока полковникъ Локхартъ находился въ предѣлахъ Канджута. Англійская экспедиція вступила въ страну въ сопровожденіи значительнаго конвоя и сотенъ носильщиковъ. Я видѣлъ списокъ подарковъ, поднесенныхъ англійскимъ офицеромъ правителю страны, его сыновьямъ и сановникамъ. Подарки эти, преимущественно: деньгами, оружіемъ, парчею и сукномъ, по самой скромной оцѣнкѣ, превысили сумму въ 30 тысячъ рупій. Тѣмъ не менѣе, не смотря на заложниковъ, не смотря на то, что полковникъ Локхартъ сыпалъ деньгами щедрою рукою ⁽¹⁾, стараясь угодить всѣмъ и каждому, Газанъ-ханъ приказалъ ловить носильщиковъ экспедиціи и 18 человекъ изъ нихъ продалъ ⁽²⁾ въ рабство киргизамъ Памира, сарыкольцамъ и проч. Пока англійская экспедиція находилась въ предѣлахъ Канджута, полковникъ Локхартъ,

(1) Такъ напримѣръ, одинъ изъ проводниковъ, сопровождавшій впоследствии меня, получилъ 500 рупій, протканную золотомъ чалму и богатый кинжалъ.

(2) См. отчетъ лейтенанта Younghusband'a, помѣщенный въ книгѣ Materials по Азій. Изд. Воен. Учен. Комит. Главн. Штаба, выпускъ XXXVI.

повидимому, не рисковалъ протестовать противъ захвата въ плѣнъ его людей, но изъ Вахана онъ написалъ письмо правителю страны, въ которомъ просить выдать захваченныхъ людей, при чемъ пишетъ: „Ради достоинства Великобританіи я заплачу за нихъ сколько пожелаете“. Газанъ-ханъ однако выдать людей не согласился и гордо отвѣтилъ: „Ради моего достоинства я продамъ ихъ тѣмъ, кому пожелаю“. Оскорбленіе это было далеко не единственнымъ. Населенію разрѣшено было воровать ⁽¹⁾ у экспедиціи все, что удавалось, брать за сѣстные припасы неимовѣрныя цѣны (мука продавалась на вѣсъ серебра) и т. д. Сафдеръ-Али-ханъ, рассказывая мнѣ о пребываніи англійской экспедиціи, прибавилъ: „лордъ Локхартъ выбрался отъ насъ вотъ такъ“, при этомъ ханъ показалъ мнѣ средній палецъ, предварительно пососавъ его, что должно было означать, что полковникъ Локхартъ ушелъ только съ жизнью, лишившись всего имущества. Казалось бы, что разъ экспедиція выбралась изъ предѣловъ Канджута, всѣ перенесенныя оскорбленія могли быть вымещены на заложникахъ. Однако политика заставила подавить чувство естественной и вполне справедливой злобы и заложники, щедро одаренные, возвратились спокойно на родину, а несчастные носильщики предоставлены были собственной судьбѣ ⁽²⁾.

(¹) Въ день вступленія моего въ Бальтиръ, послѣ вечерней молитвы, объявлено было во всѣхъ мечетяхъ населенію, что кто украдетъ что либо у русскаго, тотъ съ семьею подаренъ будетъ ему въ рабство.

(²) Одного изъ нихъ я выкупилъ было, но за неимѣніемъ денегъ не могъ сразу уплатить всей условленной суммы и давъ небольшой задатокъ приказалъ доставить раба въ Кашгаръ, обѣщая уплатить остальную сумму. Работорговецъ обманулъ меня и, воспользовавшись задаткомъ, раба въ Кашгаръ не доставилъ. Въ нынѣшнемъ году я указалъ лейтенанту Younghusband'у на бѣдственное положеніе проданныхъ въ рабство англійскихъ подданныхъ и, во имя человеколюбія, просилъ выкупить ихъ. Исполнена ли моя просьба—свѣдѣній не имѣю.

Газанъ-ханъ не долго пользовался богатыми подарками англійской экспедиціи. Населеніе не простило ему пропуска чрезъ страну людей, которыхъ оно считаетъ естественными и злѣйшими своими врагами. Въ странѣ образовалась сильная партія недовольныхъ, во главѣ которой всталъ старшій сынъ Газанъ-хана и нынѣшній вазыръ Даду. Заговоръ созрѣлъ и Газанъ-ханъ убитъ былъ выстрѣлами изъ дома Сафдеръ-Али-хана въ тотъ моментъ, когда онъ проѣзжалъ изъ загороднаго сада во дворецъ. Сафдеръ-Али-ханъ, вступивъ на престолъ, официально сообщилъ китайскимъ властямъ въ Кашгарѣ, что отецъ его убитъ имъ за то, что пропустилъ чрезъ страну англичанъ.

Вышеизложенные факты настолько характерны, настолько ясно свидѣтельствуютъ о чувствахъ народа къ англичанамъ и къ русскимъ, что всякіе комментаріи къ этому считаю излишними.

Выбравшись на Памиры, я получилъ письмо отъ правителя Вахана, Али-Морданъ-Ша, въ которомъ онъ сообщалъ о бѣгствѣ авганцевъ и водвореніи своемъ на прародительскомъ престолѣ, выражалъ искреннее желаніе служить Россіи и приглашалъ меня въ страну свою, обѣщая препроводить въ Шугнанъ и ручаясь за полную мою безопасность. Письмо это получено было мною въ первыхъ числахъ Октября, т. е. немедленно послѣ выхода изъ Канджута, когда всѣ денежные ресурсы экспедиціи заключались въ 37 металлическихъ рубляхъ. Кромѣ того, у меня не осталось ничего изъ подарочныхъ вещей, а также погибли почти всѣ лошади, какъ лично мои, такъ и казачьи. Идти въ Ваханъ и дальше черезъ Шугнанъ и Бадахшанъ въ Бухару пѣшкомъ, безъ денегъ и необходимыхъ въ Средней-Азіи подар-

ковъ—не позволило мнѣ чувство національнаго достоинства. Я направился въ Кашгаръ, предполагая занять денегъ въ консульствѣ, пріобрѣсти лошадей и кое что изъ подарочныхъ вещей и, снарядившись запово, черезъ Памиры проникнуть въ Ваханъ. Въ Кашгарѣ я встрѣтилъ самый радушный и сердечный пріемъ въ семьѣ консула Н. Ф. Петровскаго, который, снабдивъ меня всѣмъ необходимымъ для перехода зимою черезъ Тянь-Шань въ Ферганскую область, категорически отклонилъ предполагаемую поѣздку въ Ваханъ, ссылаясь на отсутствіе разрѣшенія со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ Ноябрь 1888 г. въ памирскихъ ханствахъ установился слѣдующій режимъ: Ваханомъ управлялъ Али-Морданъ-Ша, при содѣйствіи канджутскихъ и чатрарскихъ воиновъ; въ Шугнанѣ водворился Сеидъ-Акбаръ-Ша, племянникъ казеннаго эмиромъ Абдурахманомъ шугнанскаго владѣтеля Юсуфъ-Али-хана; ⁽¹⁾ въ Бадахшанѣ власть раздѣлена была между дѣтьми Миръ-Шиджаата (двоюроднаго брата бывшего владѣтеля Бадахшана Джахандаръ-Ша, умершаго въ предѣлахъ Россіи) и Миръ-Каляна, бека рохскаго. О происходившихъ въ Чаръ-Вилаетѣ событіяхъ достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣлось. Какъ ни заманчиво было предложеніе посѣтить Ваханъ, Шугнанъ и Бадахшанъ—обстоятельства заставляли отъ него отказаться. Это было тѣмъ обиднѣе, что существующее благопріятное политическое положеніе, безъ поддержки извпѣ, не могло долго продолжаться; авгапцы должны были вновь занять отложившіяся провинціи, а вмѣстѣ съ возвращеніемъ ихъ пре-

(¹) Предлогомъ къ казни, какъ извѣстно, послужило гостепріимство, оказанное Юсуфъ-Али-ханомъ русскому путешественнику д-ру Регелю.

кращался доступъ русскимъ путешественникамъ въ эти совершенно неизвѣстныя страны.

Въ Ферганскую область экспедиція вернулась 1 Декабря 1888 г., а вслѣдъ за симъ я вызванъ былъ въ Петербургъ для личнаго доклада о путешествіи.

Весною 1889 г. совѣтъ **ИМПЕРАТОРСКАГО** русскаго географическаго общества обратился съ просьбою къ г. военному министру о разрѣшеніи мнѣ принять новое путешествіе. Вскорѣ испрошено было **ВЫСОЧАЙШЕЕ** соизволеніе на эту командировку и совѣтъ общества снарядилъ меня на средства, пожертвованныя географическому обществу **ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ**. Конечною цѣлью путешествія долженъ былъ быть Кафиристанъ или страна сіяхнушей, живущихъ на южныхъ склонахъ Гиндукуша, при чемъ, попутно, я долженъ былъ обследовать и памирскія ханства. Задача предстояла трудная, такъ какъ передъ выѣздомъ изъ Петербурга, получены были свѣдѣнія, что Исхакъ-ханъ разбитъ и бѣжалъ въ Бухару, а въ Мазаръ-и-Шерифъ пришелъ эмиръ Абдурахманъ въ сопровожденіи такого сильнаго корпуса войскъ, что вызывались опасенія за неприкосновенность границъ Бухары, для охраны которыхъ выдвинута была нѣкоторая часть войскъ изъ Туркестана.

Выступивъ изъ Маргелана 1 Іюня, экспедиція направилась въ долину Большаго Алая, предполагая чрезъ Заалайскій хребетъ перевалить на истоки рѣки Кудары и по рѣкѣ Мургъ-объ спуститься въ Рошанъ. Зима съ 1888 на 1889 г. отличалась необыкновенною суровостью, а холодная и поздняя весна не освободила горныхъ проходовъ отъ свѣжыхъ заваловъ. Намъ не удалось пробраться сквозь заваленный снѣгомъ Заалайскій хре-

бетъ и пришлось вернуться обратно въ долину Большаго Алая. Теперь оставались на выборъ двѣ дороги: одна чрезъ долину рѣки Акъ-су и Памиры, другая—чрезъ Каратегинъ, Дарвазъ и вверхъ по теченію рѣки Панджъ. Такъ какъ оба пути были одинаково кружны, а на первомъ изъ нихъ экспедиція могла наткнуться на китайскіе сторожевые посты и подвергнуться новымъ задержкамъ, то мы направились черезъ Каратегинъ и 5 Іюля прибыли въ городъ Кала-и-Хумбъ.

Здѣсь добыты были первыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ памирскихъ ханствахъ. Оказалось, что Бадахшанъ уже занятъ былъ авганскими войсками, которыя подавляли возстаніе, поднятое вышеназванными претендентами. Али-Морданъ-Ша, сознавая невозможность успѣшной борьбы съ эмиромъ Абдурахманомъ и не желая подвергать своей родине всѣмъ ужасамъ азіатской войны, очистилъ Ваханъ по первому письменному требованію Абдурахманъ-хана и ушелъ обратно въ долину Ишкомаля. Въ Шугнанъ и Рошанъ еще держался Сеидъ-Акбаръ-Ша, готовясь къ отчаянной оборонѣ.

Намѣреваясь обслѣдовать озеро Шива, я хотѣлъ было направиться вверхъ по рѣкѣ Куфау, но, узнавъ, что укрѣпленіе Яванъ, запирающее дорогу изъ долины рѣки Куфау на озеро Шива, занято авганскимъ коннымъ полкомъ, я вынужденъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и быстро направился вверхъ по рѣкѣ Панджъ, опасаясь, чтобы авганцы, занявъ Шугнанъ, не отрѣзали меня отъ Памировъ. 17 Іюля экспедиція подошла къ Джумарчу, граничащему непосредственно съ Рошаномъ. Я поторопился войти въ сношенія съ Сеидъ-Акбаръ-Ша и разными дорогами отправилъ два письма къ авган-

скому главнокомандующему съ просьбою пропустить экспедицію въ Кафиристанъ.

Положеніе Сеидъ-Акбаръ-Ша было слѣдующее: въ первыхъ числахъ Мая эмиръ Абдурахманъ отправилъ въ Шугнанъ состоящаго у него на службѣ знатнаго шугнанца Ходжа-Назара съ письмомъ къ Сеидъ-Акбаръ-Ша, въ которомъ предлагалъ ему добровольно очистить Шугнанъ, а управленіе страной передать посланцу. Сеидъ-Акбаръ-Ша захватилъ Ходжа-Назара вмѣстѣ съ братомъ его Мастономъ, тоже авганскимъ офицеромъ, и отправилъ къ извѣстному памирскому разбойнику Сахибъ-Назару, приказавъ продать ихъ въ рабство хотябы за кусокъ веревки. Эта же участь постигла семью Ходжа-Назара и 12 человѣкъ авганцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ раньше. Сахибъ-Назаръ распродалъ авганцевъ памирскимъ киргизамъ, Масто́на ⁽¹⁾ подарилъ своему брату Гаибъ-Назару, но продать Ходжа-Назара, въ виду его высокаго служебнаго положенія, не рискнулъ, а кружнымъ путемъ чрезъ Памиры и Ваханъ направилъ въ г. Ишкашимъ и передалъ авганцамъ, получивъ въ вознагражденіе 10 паръ быковъ и мѣшокъ денегъ ⁽²⁾. Ходжа-Назаръ, чувствуя себя въ безопасности, написалъ крайне дерзкое письмо къ Сеидъ-Акбаръ-Ша, которое настолько обидѣло послѣдняго, что тотъ немедленно снарядился и во главѣ небольшого отряда силою въ 200—250 коней напалъ на города Ишкашимъ и Зебакъ, занятые слабыми гарнизонами. Овладевъ городами, онъ захватилъ въ плѣнъ какъ Ходжа-Назара, такъ и авганцевъ. Слухъ о занятіи Ишкашима и Зебака быстро

(¹) Въ Заалайскомъ хребтѣ мы случайно встрѣтили Гаибъ-Назара и освободили Масто́на, который сопровождалъ экспедицію до Кала-и-Хумба, откуда отправленъ былъ въ Бадахшанъ.

(²) Мелкая серебряная монета, стоимостью въ 20 копѣекъ.

достигъ до Бадахшана и на выручку посланъ былъ авганскій отрядъ, вынудившій Сеидъ-Акбаръ-Ша бросить занятые города и отступить къ Кала-и-Баръ-Панджу. Ходжа-Назаръ, связанный по рукамъ и ногамъ, брошенъ былъ въ р. Панджъ, гдѣ и утонулъ; плѣнные авганцы отправлены были въ Дарвазъ ⁽¹⁾, откуда прослѣдовали въ Чаръ-Вилаеть, а у разбойника Сахибъ-Назара, за неисполненіе приказанія, отобрано было 20 шт. лошадей и много другаго скота. Все это произошло между 15—25 Іюня.

Удовлетворяя свое чувство мести, Сеидъ-Акбаръ-Ша ускорилъ развязку собственной участи. Эмиръ Абдурахманъ, узнавъ о дерзкомъ нападеніи на Ишкашимъ и Зебакъ, приказалъ покончить съ Шугнаномъ. Изъ Файзабада, чрезъ шивинское плоскогорье, двинуть былъ сильный отрядъ войскъ, въ составѣ около 4,000 человекъ при 8 орудіяхъ; кромѣ того отрядъ въ 2,000 человекъ при 4 орудіяхъ занялъ Горанъ и по долину рѣки Панджа направился къ Кала-и-Баръ-Панджу. Операционный корпусъ находился подъ начальствомъ Ша-Сеидъ-Джарнейля, который, разославъ массу прокламацій къ населенію Шугнана, обѣщалъ полное помилованіе, но требовалъ выдачи Сеидъ-Акбаръ-Ша непременно живымъ. Населеніе не поддавалось на удочку и, по мѣрѣ приближенія авганцевъ, началось поголовное переселеніе, сначала на правый берегъ р. Панджа, а затѣмъ и дальше вверхъ по р. Гунту. Около 2 т. семействъ направило стариковъ, женъ и дѣтей, а также скотъ и имущество къ оз. Яшилъ-кулю, намѣреваясь частью перейти въ предѣлы Россіи, частью же расселиться въ китайскомъ Сарыко-

⁽¹⁾ Въ день пріѣзда моего въ Кала-и-Хумъ плѣнные авганцы подъ конвоемъ бухарскихъ солдатъ прослѣдовали въ Кулябъ.

лѣ, населенномъ преимущественно выходцами изъ Шугнана.

Въ первыхъ числахъ Іюля (около 10-го), авганскія войска спустились съ шивинскаго плоскогорья и, остановившись на орудійный выстрѣлъ отъ стѣнъ Кала-и-Баръ-Панджа, начали окапываться. Сеидъ-Акбаръ-Ша, видя значительное количество орудій въ авганскомъ лагерѣ, пришелъ къ заключенію, что ему съ фитильными ружьями, имѣвшимися далеко не у всѣхъ воиновъ, не отстоять столицы, представлявшей значительную цѣль для артиллерійскаго огня, причемъ скученные въ стѣнахъ укрѣпленія защитники могли понести громадные потери. Поэтому, воспользовавшись положеніемъ Кала-и-Баръ-Панджа на самомъ берегу рѣки, Сеидъ-Акбаръ-Ша бросилъ городъ и со всѣми воинами ночью переправился на гупсарахъ на правый берегъ Панджа. Всѣ турсуки ⁽¹⁾ и гупсары были убраны на правый берегъ рѣки, разливъ которой достигъ высшихъ размѣровъ, представляя надежный оплотъ противъ авганскихъ полчищъ. На другой день съ утра началась бомбардировка Кала и-Баръ-Панджа, продолжавшаяся до поздняго вечера, не смотря на то, что изъ опустѣвшей крѣпости по авганцамъ не было произведено ни одного выстрѣла. Ночью авганцы убѣдились, что крѣпость брошена шугнанцами и бомбардировки не возобновили, но города не занимали впредь до прихода горанскаго отряда, подослѣвшаго только на трегги сутки. Тогда авганскія войска заняли Кала-и-Баръ-Панджъ, исправили обрушившіяся стѣны и, укрѣпившись въ городѣ, разослали мелкіе отряды для фуражировки по всему лѣвому берегу Панджа.

(1) Турсукъ—мѣхъ барана, козла и т. д.; гупсаръ—мѣхъ лошади или коровы.

Между тѣмъ памирскій разбойникъ Сахибъ-Назаръ, желая отомстить Сеидъ-Акбаръ-Ша за отнятое у него имущество, вошелъ въ сношенія съ авганскими войсками, находившимися въ Горанѣ и чрезъ верховья р. Шах-дары и р. Гунта провелъ къ себѣ на истоки р. Кудары небольшой кавалерійскій отрядъ силою въ 50—60 человекъ. Отрядъ этотъ вмѣстѣ съ шайкою Сахибъ-Назара занялъ узкое ущелье р. Бартангъ близъ рошанскаго селенія Орошаръ и укрѣпился за завалами надъ осыпью съ цѣлью задержать Сеидъ-Акбаръ-Ша, намѣревавшагося, въ случаѣ неудачи, направиться вверхъ по р. Бартангъ въ Россію. Уходить въ предѣлы Бухары Сеидъ-Акбаръ-Ша не хотѣлось въ виду нѣкотораго разлада ⁽¹⁾, наступившаго въ послѣднее время между нимъ и бухарскими властями.

Войска, спѣшившія къ Сахибъ-Назару, на верховьяхъ р. Гунта наткнулись на партію бѣглецовъ, слѣдовавшихъ къ оз. Яшилъ-кулю, и расправились съ ними съ неслыханною жестокостью. Женщины изнасилованы были на глазахъ отцевъ и мужей, дѣти бросались въ пылающіе костры, а затѣмъ вся партія подверглась поголовному избіенію. Слухъ о появленіи авганцевъ на

(1) Во время бѣгства авганцевъ Сеидъ-Акбаръ-Ша жилъ въ Дарвазѣ и занялъ Шугнанъ безъ боя. Водворившись въ Кала-и-Баръ-Панджѣ, онъ чрезъ посредство дарвазскаго бека Махометь-Муратъ-бія и командира баталіона Абду-Гафаръ-бека вошелъ въ сношенія съ эмиромъ Бухары и, за обѣщанную ему помощь въ предстоящей войнѣ съ авганцами, обязался ежегодно уплачивать нѣкоторую дань эмиру. Отказъ Россіи въ поддержкѣ Исахъ-хана и быстрое обратное завоеваніе Чаръ-Вилаета эмиромъ Абдурахманомъ открыли глаза Сеидъ-Акбаръ-Ша. Онъ понялъ, что, безъ соизволенія Россіи, Бухара не посмѣетъ оказать ему помощи въ войнѣ съ Авганистаномъ и медлилъ отиравкою дани. Между тѣмъ бухарцы сознавали непрочность положенія правителя Шугнана и настойчиво торопили уплатить обѣщанную дань. Отсюда получились горечь и недовѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ правителей Бухары и Шугнана.

верховьяхъ р. Гунта произвелъ панику среди шугнанцевъ. Бѣглецы, находившіеся у оз. Яшилъ-куля, бросались по р. Аличуръ въ китайскіе предѣлы, по близъ урочища Башъ-Гумбезъ наткнулись на отрядъ китайскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Джанъ, который отбѣснилъ ихъ обратно къ оз. Яшилъ-кулю. Другая часть бѣглецовъ повернула обратно внизъ по р. Гунтъ и, явившись въ долину р. Панджа, рассказами объ авганскихъ звѣрствахъ произвела панику среди войскъ Сеидъ-Акбаръ-Ша. Многіе изъ шугнанцевъ держались Сеидъ-Акбаръ-Ша, терроризовавшаго страну, частью изъ опасенія подвергнуться немедленному наказанію, тогда какъ авганцы были еще далеко, частью же въ надеждѣ на то, что дороги въ Россію и Кашгарію, оставаясь свободными, во всякое время представятъ надежный путь къ спасенію. Появленіе авганцевъ сзади отнимало эту надежду. Явились перебѣжчики преимущественно изъ лицъ, служившихъ прежде авганцамъ и оставшихся не у дѣлъ при Сеидъ-Акбаръ-Ша; прокламаціи начали дѣйствовать, а ряды защитниковъ страны рѣдѣть. Надо отдать справедливость Сеидъ-Акбаръ-Ша, что въ эти трудныя минуты онъ не потерялся. Предпринявъ цѣлый рядъ партизанскихъ набѣговъ на расползшіеся по правому берегу авганскіе отряды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно переправлялъ семейства бѣглецовъ чрезъ перевалъ Акба-и-еду въ долину Язгулема. Набѣги производились ночью. Отряды шугнанцевъ, вооруженные исключительно холоднымъ оружіемъ, высмотрѣвъ небольшой авганскій отрядъ, посланный для фуражировки и занятый молотью или уборкою брошенныхъ полей, переправлялись вплавъ на лѣвый берегъ р. Панджа и, подойдя скрыт-

по къ авганцамъ, бросались на сонныхъ въ рукопашную, производя жестокую рѣзню. Набѣги производились по всей линіи, но особенно удачны были подъ селеніями Юмгъ и Шидвучъ, гдѣ небольшіе авганскіе отряды въ 50—70 чел. были уничтожены совершенно. Нападенія эти навели такой ужасъ на авганцевъ, что тѣ не рисковали удалаться на пушечный выстрѣлъ отъ Кала-и-Баръ-Панджа и терпѣли большую нужду въ продовольствіи и фуражѣ для лошадей. Наконецъ, авганцами заготовлено было достаточное количество гупсаровъ, связаны плоты и у сел. Шидвучъ произведена переправа на правый берегъ р. Панджа. Шугнанцы отступили къ крѣпости Кала-и-Вамаръ, въ Рошанъ, и занялись укрѣпленіемъ береговъ р. Бартанга.

Къ этому времени экспедиція подошла къ границамъ Рошана и мною получено было слѣдующее письмо отъ Сеидъ-Акбаръ-Ша:

„Завоевателю міра, подобному орлу, великому господину. Да будетъ вамъ, владѣтелю вселенной, оказывающему помощь, извѣстно, что до настоящаго времени я страну мою считалъ входящею въ составъ владѣній Великаго Бѣлаго Царя, теперь же явились сюда воры-грабители и овладѣли половиною моихъ владѣній. Раньше этого времени о положеніи моемъ я отправилъ донесеніе къ слугамъ Великаго Государя, но отвѣта еще не получилъ. Докладывая вамъ о положеніи дѣлъ, высказываю надежду, что страна моя будетъ принята подъ покровительство Великаго Бѣлаго Царя, воры же убѣгутъ и перестанутъ разорять мою родину. О послѣдующихъ событіяхъ буду извѣщать васъ своевременно. Пока Рошанъ находится въ моихъ рукахъ—считайте эту провинцію своими владѣніями. Что могу я еще добавить къ

высказанному?“ — Къ письму приложена печать: Сеидъ-Махометь-Акбаръ-хана сына Сеидъ-Эмиръ-хана.

Вслѣдъ за симъ получилось второе письмо отъ правителя Шугнана, въ которомъ онъ сообщаетъ, что письмо мое къ авганскому главнокомандующему отправлено имъ по назначенію и между прочимъ прибавляетъ: „освѣдомившись о желаніи вашемъ пройти въ Кафиристанъ, докладываю, что дороги чрезъ Шугнанъ охвачены желѣзнымъ кольцомъ авганцами и всѣ находятся въ ихъ рукахъ. Дорога по ущелью р. Бартангъ ⁽¹⁾ на Памиры, вслѣдствіи обвала балконовъ и разлива рѣки, представляетъ серьезныя опасности и едва-ли проходима даже для пѣшеходовъ. Не подумайте, что я хочу воспретить вамъ проходъ по р. Бартангъ! Дорога эта въ вашемъ распоряженіи, я же докладываю объ ожидающихъ васъ трудностяхъ“.

Въ ожиданіи отвѣта отъ авганцевъ экспедиція расположилась при впаденіи рѣки Ванчъ въ рѣку Панджъ. Такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что Сеидъ-Акбаръ-Ша, съ цѣлью поднять собственный престижъ, распускалъ слухи о томъ, что его поддерживаетъ Россія, а появленіе экспедиціи почти на театрѣ военныхъ дѣйствій какъ бы подтверждало эти слухи, то, не желая раздражать авганцевъ, я воздержался отъ всякихъ рекогносцировокъ въ незанятомъ еще авганцами Рошанѣ. Вскорѣ, вмѣсто отвѣта на письмо мое, получились достовѣрныя свѣдѣнія, что авганцы передвинули сильный отрядъ внизъ по рѣкѣ Панджъ и остановились въ такомъ мѣстѣ, откуда весьма удобно было произвести нечаянное нападеніе на экспедицію и отрѣзать путь отступленія

(¹) Очевидно Сеидъ-Акбаръ-Ша еще не зналъ, или не хотѣлъ вѣрить слухамъ о захватѣ верховьевъ р. Барганга авганцами.

къ Кала-и-Хумбу. Враждебное настроеніе авганскаго главнокомандующаго къ экспедиціи не подлежало сомнѣнію. Предвидя возможность вооруженнаго столкновенія съ авганцами и не желая причинить затрудненія нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, я ушелъ въ глубь долины рѣки Ванчъ, въ бухарское укрѣпленіе Кала-и-Рохарфъ, а когда истекъ предѣльный срокъ, въ который можно было рассчитывать на отвѣтъ отъ авганцевъ— ушелъ черезъ трудный переваль Сытарги (11 верстъ по ледникамъ) въ долину рѣки Хиугъ-объ (Вахию), откуда, черезъ Каратегинъ, долину Большаго Алая и цѣлый рядъ переваловъ, вышелъ 14 Августа на истоки рѣки Кудары въ лѣтовки памирскаго разбойника Сахибъ-Назара. По дорогѣ нагналъ меня посланецъ отъ авганскаго главнокомандующаго Ша-Сеидъ-Джарнейля съ письмомъ, въ которомъ послѣдній просилъ меня не подходить къ границамъ Авганистана, заявляя, что онъ не имѣетъ права пропустить меня и не пропустить, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщая, что о просьбѣ моей онъ съ экстреннымъ посланцемъ довелъ до свѣдѣнія эмира Абдурахмана и поступить согласно полученнымъ приказаніямъ. Въ заключеніе Ша-Сеидъ-Джарнейль пишетъ: „путешествуйте, гдѣ пожелаете, за исключеніемъ авганскихъ владѣній, потому что авганцы народъ дикій и могутъ причинить вамъ оскорбленія, предупредить же это несчастье невозможно. Я долго не отвѣчалъ вамъ потому, что занятъ былъ подавленіемъ шугнанскаго мятежа. Теперь возмущившіеся пожали должное наказаніе и я отпустилъ вашего посланца.“

Сахибъ-Назаръ безпрекословно выполнилъ всѣ требованія по снабженію экспедиціи проводниками и продовольствіемъ, при чемъ сообщилъ, что въ первыхъ чис-

лахъ Августа авганцы атаковали Кала-и-Вамаръ. Противъ укрѣпленія и заваловъ сосредоточена была вся артиллерія, производившая большое опустошеніе среди шугнанцевъ. Сеидъ-Акбаръ-Ша защищался геройски и отбилъ три атаки авганцевъ, но наконецъ послѣдніе осилили, а Сеидъ-Акбаръ-Ша бѣжалъ въ долину рѣки Язгулема. На передовыхъ завалахъ найдено было до 200 труповъ шугнанцевъ. Убитымъ въ укрѣпленіяхъ и горахъ нѣтъ счета. Авганцы, вызванные Сахибъ-Назаромъ, узнавъ о бѣгствѣ Сеидъ-Акбаръ-Ша въ предѣлы Бухары, ушли обратно въ Шугнанъ всего за нѣсколько дней до прихода экспедиціи. Близъ селенія Сарезъ отрядъ этотъ наткнулся на партію шугнанскихъ бѣглецовъ въ числѣ больше 1½ тыс. семействъ, направлявшихся въ предѣлы Россіи, и угналъ ихъ обратно, производя самыя возмутительныя насилія. Спаслись только немногіе, оставшіеся на озерѣ Яшилъ-кулъ или особенно вліятельные, скрытые въ горныхъ трущобахъ жителями селеній: Сареза, Назаръ и проч.

Между прочимъ, Сахибъ-Назаръ сообщилъ весьма интересныя подробности объ организованной системѣ шпіонства, учрежденной въ Ферганской области бывшимъ губернаторомъ Шугнапа и Вахана Гульзоръ-ханомъ. Оказывается, что всѣ авганскіе торговцы, проживающіе въ Ферганѣ, обязаны были доставлять срочныя свѣдѣнія о передвиженіи войскъ и дѣйствіяхъ русскихъ властей. Свѣдѣнія эти доставлялись Гульзоръ-хану частью чрезъ посредство проживающаго въ Кашгарѣ авганскаго торговца Абдурасуль-хана, частью же чрезъ Джіянъ-бая племянника Сахибъ-Назара, по прозвищу Кальта-тунъ (короткій халатъ), который получалъ отъ Гульзоръ-хана опредѣленное содержаніе, въ назначенные имъ сроки

отправлялся въ Фергану и, получивъ отъ разныхъ агентовъ донесенія, доставлялъ ихъ въ Шугнанъ. Кромѣ лицъ авганскаго происхожденія въ числѣ гульзоръ-хановскихъ агентовъ состояли и нѣкоторые туземцы Ферганы, изъ коихъ особеннымъ довѣріемъ пользовались: житель сел. Бишъ-Талъ (близъ Супы-кишлака), въ Ошскомъ уѣздѣ, Махомедъ-бай, братъ котораго Маулянь принималъ дѣятельное участіе въ волненіяхъ 1885 г., и житель г. Маргелана, квартала Тахта-Куйрюкъ (Гуроваль) Даминъ-бай.

Не менѣе интересныя свѣдѣнія, сообщены Сахибъ-Назаромъ о вліяніи авганцевъ на волненія, охватившія въ 1885 г. всю с. в. и в. части Ферганской области. Оказывается, что посредникомъ между главою возстанія Дервишъ-ханъ-тюрою и эмиромъ Абдурахманомъ былъ выходецъ изъ Ферганы киргизъ рода Ичкиликъ, Махомедъ-Каримъ-датха. Когда киргизъ этотъ явился къ Абдурахманъ-хану съ прошеніемъ за печатями недовольныхъ существующимъ политическимъ строемъ, эмиръ заподозрилъ въ немъ русскаго шпіона и засадилъ подъ арестъ, поручивъ Гульзоръ-хану самое строгое разслѣдованіе. По выясненіи же, что Махомедъ-Каримъ-датха дѣйствительно добровольный выходецъ изъ Ферганы, эмиръ щедро одарилъ его, а Дервишъ-хану отправилъ 8 пуд. серебра на поддержку газата, т. е. войны съ невѣрными, обѣщая и впредь возможную помощь. Мѣстная администрація не дала разростись волненію и подавила въ зародышѣ возстаніе, но зачинщики съ Дервишъ-ханъ-тюрою во главѣ успѣли скрыться и наши пріютъ и гостепріимство въ Авганистанѣ. Попался къ намъ въ руки только Махометъ-Каримъ-датха, да и тотъ, за недостаткомъ уликъ, высланъ былъ только административ-

нымъ порядкомъ изъ края. За волненія 1885 г. дорожке всѣхъ заплатился Сахибъ-Назаръ, оказавшій, по приказанію Гульзоръ-хана, пріютъ Махомедъ-Каримъ-датхѣ. При арестованіи послѣдняго, по русскому офицеру изъ закрытой юрты произведенъ былъ выстрѣлъ. Офицеръ открылъ огонь по аулу, въ результатъ чего оказалось 7 человѣкъ убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Изъ близкой родни Сахибъ-Назара убиты: двоюродный братъ, родная дочь и внучка.

Спустившись въ долину р. Муртъ-оба, мы въ продолженіи 3 дней по дорогѣ встрѣчали сплошныя толпы шугнанцевъ, направлявшихся въ предѣлы Россіи. Впереди шло около 20 семействъ родственниковъ Юсуфъ-Али-Ша, главнаго сподвижника Сеидъ-Акбаръ-Ша. За головы болѣе выдающихся членовъ назначена была авганцами денежная премія, а всѣ остальные объявлены внѣ закона, т. е. каждый могъ убить или ограбить бѣглеца, не подвергаясь никакому наказанію. Бѣглецы шли быстро, бросая по дорогѣ уставшій скотъ и имущество, стараясь уйти по возможности дальше отъ авганцевъ. Узнавъ во мнѣ русскаго, они бросались на колѣни, цѣловали одежду и молили защитить ихъ отъ преслѣдованія. Бѣдствіе этихъ несчастныхъ не поддается описанію. Всѣ въ рубищахъ, съ котомками за плечами, несли на себѣ, кромѣ домашняго скарба, грудныхъ и маленькихъ дѣтей. Тутъ же гнался домашній скотъ, половина котораго подохла въ дорогѣ или же разграблена была намирскими киргизами. Дорога буквально устлана была трупами животныхъ, которые, разлагаясь на солнцѣ, заражали воздухъ невыносимымъ зловоніемъ. За каждымъ таборомъ тянулася длинная вереница больныхъ и отсталыхъ, преимущественно стариковъ и женщинъ съ

дѣтьми. Столь ужасную картину пароднаго бѣдствія воображеніе европейца врядъ ли можетъ себѣ представить. Такія картины возможны только въ Азіи, гдѣ властелинъ, завоевывая страну другого, поголовно вырѣзываетъ населеніе занятой страны, обращая вмѣстѣ съ тѣмъ ее въ пустыню. Зная, что бѣглецы идутъ прямо въ руки Сахибъ-Назара и что лучшее, что ихъ ожидаетъ—это ограбленіе, захватъ женщинъ и продажа многихъ въ рабство, я пытался уговорить несчастныхъ вернуться обратно въ Шугнанъ. „Вы не знаете авганцевъ“ говорили мнѣ бѣглецы, „это лютые звѣри. Они сожгли наши дома, разграбили имущество и назначили цѣну на наши головы. Женъ нашихъ они пасилуютъ на нашихъ глазахъ, издѣваясь и заставляя насъ смотрѣть на это посрамленіе. Нѣтъ, мы остановимся только тогда, когда русскіе оружіемъ заставятъ насъ вернуться. Тогда все равно, гдѣ умереть или кѣмъ быть убитымъ“. Изъ скудныхъ запасовъ экспедиціи оказывалась бѣглецамъ посильная помощь. Раздавалась мука, вареное мясо, лекарства, перевязывались раненые, а на ночлегахъ варилась горячая пища для спѣшившихъ мимо бѣглецовъ. Но бѣдствіе было такихъ размѣровъ, что помощь наша уподоблялась каплѣ въ морѣ. По приблизительному разсчету мы встрѣтили больше 200 семействъ, но сколько изъ нихъ избѣгло рукъ Сахибъ-Назара и достигло границъ Ферганской области свѣдѣній не имѣю. Бѣглецы горько жаловались на китайскихъ бековъ, которые подъ различными предлогами задержали ихъ на Аличурѣ до прихода китайскихъ войскъ, безжалостно прогнавшихъ ихъ обратно къ оз. Яшилъ-кулю. Зная бѣглецы, что китайцы не пустятъ ихъ въ Сарыколь, они силою прошли бы чрезъ Акъ-су

и были бы давно въ предѣлахъ Россіи, избѣгнувъ гибельной встрѣчи съ авганскимъ отрядомъ.

Въ селеніи Сарезъ я пріятно удивленъ былъ симпатією населенія къ русскимъ. Жители называли себя не иначе какъ подданными Бѣлаго Царя и новое занятіе Рошана авганскими войсками объясняли тѣмъ, что русскія войска далеко и не могли подоспѣть во время, чтобы прогнать этихъ „дузовъ“ (воровъ). Чрезвычайно интересенъ фактъ, что мѣстное населеніе считаетъ себя русскими подданными на основаніи какого то договора ⁽¹⁾, по которому русскіе отдали будто бы авганцамъ всѣ земли по лѣвую сторону рѣки Панджа и оставили за собою земли праваго берега, а слѣдовательно и Рошанъ. Вѣра въ этотъ договоръ совсѣмъ непоколебима.

Для характеристики народныхъ чувствъ приведу слѣдующій примѣръ. Въ день прибытія экспедиціи въ Сарезъ, явились ко мнѣ старики и привели связаннымъ вновь назначеннаго авганцами сельскаго старшину, прося примѣрно наказать его за то, что онъ заставляетъ ихъ подчиняться „дузамъ“ (другой клички здѣсь для авганцевъ не существуетъ). Я поспѣшилъ освободить старшину и одарилъ его халатомъ, а старикамъ объяснилъ значеніе русской поговорки: „До Бога высоко, до Царя далеко“ . . . Ненависть населенія къ авганцамъ я объяснилъ было тяжелыми налогами, но изъ распросовъ выяснилось, что авганцы дерутъ съ живаго и мертваго только въ Шугнанѣ и Ваханѣ, въ Рошанѣ же налоги вообще крайне умѣренны, а съ горныхъ селеній по рѣкѣ Бартангъ не берутъ ничего ⁽²⁾.

(1) Не напоминаетъ ли это англо-русскаго соглашенія. кажется 1873 г.?

(2) За исключеніемъ селенія Баситъ, которое за право промывки золота въ рѣкѣ Бартангъ платитъ въ годъ 260 тиллей. Тилля вѣситъ около 2-хъ золотниковъ.

Такимъ образомъ, ненависть къ авганцамъ зависитъ отъ другихъ, болѣе сильныхъ, нравственныхъ причинъ. Изъ новостей сарезцы сообщили, что послѣ занятія крѣпости Кала-и-Вамаръ авганскія войска отведены были изъ Рошана въ Шугнанъ, а управленіе страной ввѣрено уроженцу Рошана, Рацушу, съ титуломъ „наиба“, т. е. помощника. Рацушъ поселился въ кр. Ташъ-Курганъ. Шугнанъ занятъ окончательно авганцами, но губернаторъ еще не назначенъ и страна управляется военными властями. Часть войскъ, участвовавшихъ въ занятіи Шугнана, отозвана въ Бадахшанъ и готовится къ войнѣ съ Чатраромъ. Въ Мунджанъ сосредоточены авганцами значительныя силы съ цѣлью открыть военныя дѣйствія противъ Кафиристана.

Изъ Сареза черезъ переваль Марджанай экспедиція перешла къ озеру Яшилъ-куль, куда и вышла 24 Августа. Движеніе по долинѣ рѣки Муръ-объ и рѣчки Марджанай сопряжено было съ громадными трудностями, зависящими какъ отъ условій пути, такъ и полного отсутствія подножнаго корма, дочиста съѣденнаго скотомъ бѣглецовъ. У озера Яшилъ-куля мы очутились въ нейтральной полосѣ между китайскими постами, расположенными на верховьяхъ рѣки Аличуръ, начиная отъ урочища Башъ-Гумбезъ и кордопами авганскихъ войскъ, растянутыми по рѣкѣ Сучанъ и среднему теченію рѣкъ Шахъ-дары и Гунтъ. Лошади экспедиціи настоятельно нуждались въ отдыхѣ и я, отправивъ новое письмо къ Ша-Сеидъ-Джарпейлю съ просьбою сообщить отвѣтъ эмира на ходатайство мое пропустить экспедицію въ Кафиристанъ, расположился при устьи рѣки Аличура на продолжительный отдыхъ. Обстоятельства однако далеко не благопріятствовали отдыху. По р. р. Аличуръ

и Памирь пролегаютъ удобныя для торговаго движенія дороги, по которымъ памирскіе киргизы ѣздятъ въ Шугнанъ и Ваханъ за покупкою муки и другихъ предметовъ первой необходимости. Расположеніе экспедиціи по одному изъ главныхъ путей сообщенія было весьма удобно въ смыслъ своевременнаго полученія свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ сосѣднихъ странахъ и неудобно вслѣдствіе того, что слухъ о появленіи русскихъ быстро распространился и могъ встревожить какъ китайцевъ, такъ и авганцевъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ передвиженія экспедиціи къ озеру Булюнь-кулю явился посланецъ отъ начальника китайскаго отряда съ предложеніемъ не останавливаться на нейтральной полосѣ, а перейти за кордонъ авганскихъ войскъ, если я намѣренъ посѣтить Авганистанъ. Требованіе это мотивировано было тѣмъ, что экспедиція находится въ мѣстности пустынной, что время теперь смутное, военное и что мы легко можемъ подвергнуться нападенію голодныхъ шаекъ шугнанцевъ или дикихъ мародеровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ посланецъ заявилъ, что слѣдомъ за нимъ идетъ отрядъ китайскихъ войскъ, которому поручено присмотрѣть за тѣмъ, чтобы русскіе перешли въ Авганистанъ или препроводить насъ въ Кашгарію. Такъ какъ поѣздка въ Кашгаръ не соответствовала цѣлямъ экспедиціи, а вооруженное столкновение съ китайцами было далеко не желательно, то мы поспѣшили чрезъ переваль Харгушъ спуститься въ долину Большаго Памира, гдѣ и остановились въ ожиданіи отвѣта отъ авганцевъ. Но, повидимому, китайцы сообщили начальнику авганской кордонной линіи о мѣстѣ нахожденія экспедиціи, такъ какъ вслѣдъ за симъ нами получены свѣдѣнія, что противъ экспедиціи двинуть авганскій отрядъ. Положеніе наше было крайне

тяжелое. Не зная разрѣшать ли авганцы пройти въ Кафиристанъ или же придется производить дальнѣйшія работы въ предѣлахъ Китая, я долженъ былъ всѣми силами избѣгать крупнаго столкновенія какъ съ авганскими, такъ и съ китайскими отрядами, чтобы не возбуждать какъ тѣхъ, такъ и другихъ противъ экспедиціи. Между тѣмъ, при существующемъ взаимномъ раздраженіи и возбужденіи страстей недавними военными дѣйствіями, одна встрѣча съ вооруженными отрядами могла поставить насъ въ необходимость прибѣгнуть къ самозащитѣ. Всѣ эти соображенія заставили меня, не ожидая прихода авганцевъ, передвинуться къ озеру Большой Памиръ (Викторія), откуда я отправилъ новаго посланца къ Ша-Сеидъ-Джарнейлю.

Между тѣмъ отъ киргизъ, возвращающихся съ мукою изъ Шугнана, получились подробныя свѣдѣнія о жестокой расправѣ авганцевъ съ Шугнаномъ. Казни производились ежедневно. Деревни, заподозрѣнныя въ сочувствіи къ Сеидъ-Акбаръ-Ша выжигались, а поля вытравливались лошадьми. Всѣ дѣвушки и болѣе красивыя женщины въ странѣ были отобраны и частью отправлены къ эмиру Абдурахману, частью же розданы войскамъ въ жены и наложницы. Изъ Шугнана набрано 600 чел. мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ, дѣтей болѣе вліятельныхъ родителей; мальчики эти отправлены были въ Кабуль на воспитаніе. Населеніе изнемогало подъ авганскимъ гнетомъ, а въ перспективѣ ожидался голодъ и связанныя съ нимъ бѣдствія. Вообще эмиръ Абдурахманъ въ жестокости превзошелъ всякія границы. Такъ напримѣръ, родственники бывшаго командующаго войсками въ Шугнанѣ и Ваханѣ Джарнейля-Сеидъ-Али-хана, перешедшаго на сторону Исхакъ-хана,

подверглись слѣдующему наказанію: мужчинамъ выколоты были оба глаза, а женщинамъ по одному, чтобы онѣ могли работать и кормить отцевъ и мужей, и всѣ они сосланы на жительство въ разоренный Шугнанъ. Одного же изъ подчиненныхъ Сеидъ-Али-хану командировъ полка привязывали за шею такъ, что онъ не могъ ни лечь, ни сѣсть, а приставленные часовые ударами палки по головѣ будили несчастнаго, если онъ дремалъ сгоя. Кормили его сухою и сильно соленою пищею, когда же онъ, изнемогая отъ жажды, просилъ пить—подавали воду, настоянную на табакъ, которая производитъ сильную рвоту. Въ этомъ видѣ его обвозили по городамъ Бадахшана, выставляя на показъ народу, а теперь привели въ Шугнанъ.

Такъ какъ слухи о приготовленіяхъ къ войнѣ съ Чатраромъ со всѣхъ сторонъ подтверждались, то я рѣшилъ передвинуться на истоки р. Акъ-су (Мургъ-оба) и, при посредствѣ мѣстныхъ киргизъ, войти въ сношенія съ правителемъ Чатрара, Амоны-уль-Мулькомъ, въ надеждѣ, что существующія политическія осложненія помогутъ мнѣ пройти въ Кафиристанъ со стороны Чатрара.

На истоки р. Акъ-су мы вышли 9 Сентября. Температура воздуха значительно понизилась. Морозы по утрамъ достигали до—19° Ц., а днемъ термометръ держался на—6°—10° Ц. и рѣдко подымался выше 0. Погода испортилась. Повалилъ снѣгъ, сопровождаемый сильными вѣтрами и метелями; добыть топливо изъ подъ снѣга стоило большихъ трудовъ.

Въ долину р. Акъ-су отъ киргизъ и ваханцевъ добыты мною слѣдующія свѣдѣнія: Ваханъ занятъ былъ авганскими войсками, передовыя части которыхъ раз-

мѣщены въ сел. Сархадѣ (противъ Борогильскаго прохода), а посты выдвинуты до урочища Лянгаръ всего въ одномъ переходѣ отъ Бозай-и-Гумбеза, на истокахъ Ваханъ-Дарьи. Бывшій губернаторъ Вахана, авганецъ Акъ-Датха, умеръ и на мѣсто его еще никто не былъ назначенъ, а странюю управляетъ мулла-Ашуръ-Наибъ, родомъ ваханецъ. Эмиръ Абдурахманъ хотѣлъ было открыть военныя дѣйствія противъ Чатрара съ цѣлью наказать Амоны-уль-Мулька за то, что онъ оказалъ гостепріимство зятю своему Али-Морданъ-Ша. Амоны-уль-Мулькъ обратился за помощью къ англичанамъ, которые сначала отказали въ содѣйствіи, но затѣмъ, добившись разрѣшенія ввести англійскій гарнизонъ въ Чатраръ, повліяли на Абдурахманъ-хана, который, отказавшись отъ войны съ Чатраромъ, все свободныя силы двинулъ въ Кафиристанъ. На верховьяхъ чатрарской рѣки, близъ Мастуджа, англичанами выстроено укрѣпленіе, занятое гарнизономъ въ 400 человекъ. На Намирѣ Дангынъ-башѣ уже второй мѣсяцъ живетъ партія англичанъ, находящаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мастуджскимъ гарнизономъ. Лѣтомъ со стороны Гильгита снаряжена была экспедиція въ Канджутъ. Сафдеръ-Али-ханъ отказался было пропустить англичанъ, но къ Чапруту ⁽¹⁾ двинуть былъ 12 т. корпусъ кашмирскихъ войскъ и англичане, угрожая войною, настойчиво требовали пропуска. Пришлось экспедицію принять въ Бальтитѣ, но дальше въ глубь страны она все-таки не была пропущена. Наконецъ, среди киргизъ распространился слухъ, что англичанами заняты верховья р. Кара-Кошъ-дарьи (Хотанъ-дарьи) и въ мѣстности Шахидулла-Ходжа возстановлено старое укрѣпленіе,

(1) Канджугское укрѣпленіе, пограничное съ Гильгитомъ.

а офицеръ, строившій укрѣпленіе идетъ внизъ по р. Раскемъ-дарьѣ къ Дангынъ-башу, предполагая вернуться въ Индію черезъ Канджутъ.

Свѣдѣнія эти были крайне неутѣшительны для цѣлей экспедиціи, ибо стало очевиднымъ, что почти одновременное появленіе англичанъ по всей пограничной линіи съ Индіей, постройка укрѣпленій, занятіе ихъ англійскими или кашмирскими гарнизонами и внезапная война авганцевъ съ кафирами,—все это не случайныя явленія, а планъ строго обдуманной правительствомъ Остъ-Индіи и энергично приводимый въ исполненіе. Сопоставляя все вышеизложенное не трудно было прійти къ заключенію, что поводомъ къ такимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ послужила все та же „авганская смута“. Правительство Остъ-Индіи, убѣдившись къ непрочности Авганистана, рѣшило укрѣпить границы Индіи съ сѣвера, занявъ и укрѣпивъ всѣ горные проходы. Для выполненія этого плана потребовалось занятіе Кафиристана, населеннаго дикими и воинственными племенами и завоеваніе поручено эмиру Абдурахману; правитель Чатрара не соглашался допустить англійскій гарнизонъ во внутрь страны—опять является на сцену Абдурахманъ-ханъ и объявляетъ войну, причемъ предложомъ служить гостепріимство, оказанное родному зятю; но лишь только гарнизонъ допущенъ, а постройка укрѣпленія окончена, какъ тотъ-же Абдурахманъ-ханъ, очевидно повинувшись инструкціямъ изъ Индіи, отказывается отъ войны, хотя предлогъ къ ней продолжаетъ существовать, а Али-Морданъ-Ша живетъ понынѣ въ предѣлахъ Чатрара. Этимъ же объясняется неожиданное занятіе Шахидулла-Ходжа и настойчивое требованіе войти въ сношенія съ Канджутомъ.

Какъ ни мало надежды представляла теперь мысль проникнуть въ Кафиристанъ со стороны Чатрара, я рѣшилъ испытать и это средство и отказаться отъ изслѣдованія этихъ интереснѣйшихъ горныхъ общинъ, только имѣя въ рукахъ неопровержимыя доказательства, что мною сдѣлано было все возможное для выполненія намѣченныхъ цѣлей. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось провѣрить доставленные киргизами свѣдѣнія и съ этою цѣлью я снарядилъ нарочнаго съ письмомъ къ Амоны-уль-Мульку, въ которомъ просилъ пропустить меня въ Кафиристанъ хотя бы въ сопровожденіи одного изъ слугъ, при чемъ въ вознагражденіе предлагалъ все, что ему понравится изъ имущества экспедиціи. Отославъ письмо, я оставилъ экспедицію на верховьяхъ рѣки Акъ-су и въ сопровожденіи 3 казаковъ перешелъ на истоки рѣки Ваханъ-дарьи съ цѣлью изслѣдовать перевалъ Хударгуртъ (Сухсуроватъ), ведущій въ Чатраръ и Ясинъ. Экскурсія эта была очень рискованна, такъ какъ приходилось пройти въ виду урочища Лянгаръ, гдѣ стоялъ авганскій постъ. Благодаря сильной мятели, намъ удалось пройти мимо Лянгара незамѣченными, но та же мятель занесла слѣды, тропинки и нагромодила такія массы снѣгу, что перевалить черезъ перевалъ намъ не удалось. Тѣмъ не менѣе, положеніе переваловъ Хударгуртъ и Келенджъ (Иршоодъ) въ Канджутъ—опредѣлено точно. На обратномъ пути намъ пришлось остановиться на ночлегъ такъ близко отъ авганскаго поста, что мы ясно слышали ржаніе лошадей и оклики часовыхъ. Миновавъ на разсвѣтѣ постъ, мы вышли на большую дорогу къ Бозай-и-Гумбезу и на 4 сутки вернулись къ экспедиціи. Здѣсь я засталъ посланцевъ съ письмомъ отъ Сафдеръ-Али-хана, въ которомъ правитель Канджута убѣдительно

просить меня посетить страну его. Посланцы подтвердили изложенные выше свѣдѣнія о посѣщеніи Канджута англичанами и нежеланіи хана принять ихъ, прибавляя, что ханъ, въ виду приближенія къ границамъ корпуса кашмирскихъ войскъ, началъ дѣятельно готовиться къ защитѣ, но долженъ былъ уступить настоянью старшинъ, отказавшихся драться съ англичанами и горько жаловался, что старшины промѣняли родину на золото.

Вскорѣ прибылъ посланецъ мой изъ Чатрара и привезъ письмо отъ Сарваръ-уль-Мулька, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Именемъ отца моего, извѣщаю васъ, что страна моя переполнена англичанами, которые слѣдятъ за каждымъ шагомъ моимъ. Поэтому пропустить васъ въ страну Сіахнушей никакъ невозможно. Вы пишете:—„пропустите меня съ однимъ или двумя слугами; какой вредъ могу я причинить вашей родинѣ, придя одинокимъ?“ Вы не знаете, чего требуете. Какъ стадо овецъ бѣжитъ въ безпорядкѣ при видѣ одного волка, такъ ференги боятся одного русскаго. Какъ могу я защитить васъ отъ вашихъ злѣйшихъ враговъ, которые, говорю вамъ, переполняютъ страну мою? А въ случаѣ несчастья съ вами, что отвѣчать мнѣ Бѣлому Царю?“ Посланецъ, подтверждая свѣдѣнія о постройкѣ укрѣпленія близъ Мастуджа и помѣщеніи въ немъ англійскаго гарнизона, добавилъ, что слѣдомъ за нимъ, чрезъ Борогильскій проходъ, спустился въ Ваханъ начальникъ мастуджскаго гарнизона съ значительнымъ конвоемъ; авганскія власти выѣхали къ нему на встрѣчу изъ селенія Сархадъ и туда же прибылъ одинъ англичанинъ изъ числа живущихъ на Дангнынъ-башѣ. Англичане, проживъ два дня въ Сархадѣ, вернулись обратно въ Чатраръ. По свѣдѣніямъ имѣвшимся въ Чатрарѣ,

с. в. часть Кафиристана была уже занята авганцами, но остальные владѣнія отчаянно защищались.

Наконецъ 1 Октября я получилъ отвѣтное письмо отъ Ша-Сеидъ-Джарнейля, въ которомъ онъ, именемъ эмира, категорически отказывается пропустить экспедицію въ Кафиристанъ, совѣтуетъ перестать толкаться по границамъ Авганистана и насмѣшливо рекомендуетъ вернуться домой, посѣтивъ Кулябъ и другія владѣнія Бухары. О войнѣ съ Кафиристаномъ Ша-Сеидъ-Джарнейль ничего не пишетъ, но называетъ Кафиристанъ прямо провинціей Авганистана. Посланецъ мой рассказывалъ, что въ послѣднихъ числахъ Сентября Ша-Сеидъ-Джарнейль ушелъ въ Бадахшанъ и увелъ съ собою до 3,000 регулярнаго войска. Въ Шугнанъ и Ваханъ остались пѣшій и конный полки въ составѣ до 1,000 человекъ подъ начальствомъ Кернейля Махомедъ-Раима, въ рукахъ котораго временно сосредоточена и вся гражданская администрація вновь завоеванныхъ провинцій, такъ какъ губернаторъ все еще не назначенъ. Помогаютъ ему въ управленіи страной: Мулла-Ашуръ-наибъ и Рацушъ-наибъ. Артиллерія въ Шугнанъ пѣтъ: вся ушла въ Бадахшанъ. Повсюду, гдѣ посланцу приходилось встрѣчаться съ авганцами, они крайне интересовались составомъ и вооруженіемъ экспедиціи. Кернейль Махомедъ-Раимъ, отпуская посланца, сказалъ: „передай русскому: если онъ воевать пришелъ, пусть идетъ—я готовъ. Добромъ же не пропущу“.

Письмо Ша-Сеидъ-Джарнейля окончательно разрушало надежду на посѣщеніе Кафиристана и приходилось приняться за исполненіе второй части возложеннаго на меня порученія—изслѣдованіе верховьевъ рѣкъ: Раскемъ-дарьи, Кара-Кошъ-дарьи и Юрунгъ-Кошъ-дарьи,

а также с. з. части тибетскаго плоскогорья. Наступила глубокая осень, близилась зима, экспедиціи предстояло впереди подыматься до ужасающихъ высотъ въ 18 и болѣе тысячъ футовъ и необходимо было торопиться, тѣмъ болѣе, что управляющій консульствомъ нашимъ въ Кашгарѣ сообщалъ, что китайскія власти раздражены продолжительнымъ пребываніемъ экспедиціи въ пограничныхъ китайскихъ областяхъ и предвидѣлъ впереди всевозможныя затрудненія.

Переваливъ чрезъ переваль Беикъ на Дангпынь-башъ, экспедиція быстро снаряжалась для продолжительнаго путешествія въ пустынномъ бассейнѣ Раскемъ-дарьи. Здѣсь доставлено было мнѣ второе письмо отъ Сафдеръ-Али-хана, въ которомъ онъ настойчиво просилъ меня посѣтить его немедленно. Какъ ни интересно было еще разъ побывать въ Канджутѣ, я не могъ принять приглашенія Сафдеръ-Али-хана. Естественнo ему хотѣлось узнать о результатѣ ходатайства его о принятіи подъ покровительство Россіи, хотѣлось заручиться достовѣрными свѣдѣніями, насколько онъ можетъ рассчитывать на содѣйствіе Россіи въ случаѣ столкновенія съ Англіей. Я же не зналъ самъ ничего, не могъ взять на себя ни поощрять его надежды, ни разрушать ихъ.

На Дангпынь-башѣ любезно посѣтили меня англичане: маіоръ Кумберляндъ и лейтенантъ Бауеръ, ожидавшіе прибытія экспедиціи капитана Янхусбенда, слѣдовавшаго изъ Шахидулла-Ходжа чрезъ Дангпынь-башъ въ Канджутъ. Англичане эти предполагали на зиму спуститься въ Яркендъ, такъ какъ жить въ палаткахъ становилось въ тягость.

5-го Октября мы на якахъ перевалили чрезъ заваленный снѣгомъ переваль Илы-су (выше 16 т. ф.) и

спустились въ бассейнъ Раскемъ-дарьи, а 11-го того же мѣсяца на урочищѣ Каинды встрѣтились съ экспедиціей капитана Янхусбенда. Экспедиція эта, какъ и всѣ англійскія, обставлена была превосходно. Кромѣ конвоя изъ 7 чел. бенгальскихъ солдатъ, экспедицію сопровождало: два съемщика-пундита, авганцы, тибетцы, аргуны, кашмирцы и киргизы. Подъ тяжестью шла длинная вереница верблюдовъ, яковъ и лошадей. Капитанъ Янхусбендъ—офицеръ гвардейскаго драгунскаго полка, человекъ воспитанный и интеллигентный, произвелъ вполне пріятное впечатлѣніе. Обѣ экспедиціи простояли вмѣстѣ 2 дня, представляя забавную смѣсь изъ 20 народностей ⁽¹⁾. Подтвердивъ извѣстіе о занятіи Шахидулла-Ходжи и постройкѣ укрѣпленія, капитанъ Янхусбендъ въ интимномъ разговорѣ со мною сообщилъ о тревогѣ, охватившей остъ-индское правительство при полученіи извѣстія объ отложеніи Сѣвернаго Авганистана и одновременномъ появленіи русскаго офицера за Гиндукушемъ. У него въ рукахъ было подробное донесеніе намѣстника на Гильгитѣ о пребываніи моемъ въ Канджутѣ. Капитанъ Янхусбендъ высказывалъ увѣренность, что канджутскій ханъ за ежегодную, болѣе или менѣе значительную субсидію, встанетъ въ такія же отношенія къ остъ-индскому правительству, въ какихъ находится нынѣ на примѣръ правитель Чатрара. Сдѣлка такая должна была состояться лѣтомъ и капитанъ Янхусбендъ рассчитывалъ встрѣтить въ Канджутѣ вполне дружественный пріемъ.

Такъ какъ зимній переходъ чрезъ высокое, до 17 т. фут., тибетское плато казался очень рискованнымъ, то я возымѣлъ намѣреніе перевалить въ Кашмиръ, про-

(1) Я снялъ фотографію съ обѣихъ экспедицій.

быть тамъ зимніе мѣсяцы, а раннею весною чрезъ Танкенъ и тибетское плоскогорье выйти въ Полу. Съ этою цѣлью я написалъ письмо къ англійскому президенту въ Кашмирѣ полковнику Nisbet'у съ просьбою выхлопотать разрѣшеніе на прїѣздъ экспедиціи въ Ладакъ. Письмо это отправлено было въ Кашмиръ при любезномъ содѣйствіи капитана Янхусбенда.

Въ теченіи Октября и Ноября экспедиція работала въ бассейнѣ р. Раскемъ-Дарьи и на верховьяхъ р. Тизнафа, при чемъ обследованы были всѣ перевалы въ Раскемскомъ хребтѣ, а также перевалы: Шимшаль, Муштагъ и Бальти-Даванъ въ Гималаяхъ. 24 Ноября экспедиція перешла чрезъ перевалъ Кугартъ въ бассейнѣ р. Кара-Кошъ-дарьи и остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укр. Шахидулла-Ходжа. Считая укрѣпленіе занятымъ кашмирскимъ гарнизономъ, я отправилъ посланца съ письмомъ къ коменданту, въ которомъ извѣстилъ его о прибытіи экспедиціи. Посланецъ вернулся въ этотъ же день и сообщилъ, что кашмирскій гарнизонъ очистилъ укрѣпленіе, которое находится опять въ рукахъ китайцевъ.

Исторія занятія Шахидулла-Ходжи настолько поучительна и такъ рельефно обрисовываетъ политику англичанъ въ Азіи, что я изложу ее подробно.

Весною 1888 г., во время пребыванія моего въ Канджутѣ, Сафдеръ-Али-ханъ снарядилъ сильную разбойничью шайку и подъ начальствомъ одного изъ канджутскихъ старшинъ, нѣкоего Махомедъ-Сахи, отправилъ ее на верховья рѣки Раскемъ-Дарьи съ цѣлью ограбленія торговыхъ каравановъ, слѣдующихъ изъ Яркепда въ Ладакъ. Канджутцы подошли скрытно къ Шахидулла-Ходжѣ и, дознавшись, что выше нынѣшняго укрѣпленія

находится богатый торговый караванъ, почью напали на торговцевъ, но, встрѣтивъ сильный отпоръ, какъ со стороны торговцевъ и погонщиковъ каравана, такъ и со стороны мѣстныхъ киргизъ, отступили съ урономъ. Виновниками неудачи канджутцы сочли мѣстныхъ киргизъ, заподозривъ ихъ не безъ основанія въ томъ, что киргизы предупредили торговцевъ о готовящемся нападении и помѣшали канджутцамъ напасть на караванъ врасплохъ. Въ виду этого они напали на стоявшій въ сторонѣ киргизскій аулъ и захватили въ плѣнъ 21 человѣка со всѣмъ имуществомъ, а также больше 1000 головъ разнаго скота. Киргизы не посмѣли преслѣдовать разбойниковъ, которые съ богатою добычею благополучно вернулись домой. Родственники заповѣренныхъ направились было къ китайскимъ властямъ въ Яркендъ и Кашгаръ съ просьбою заставить канджутцевъ возвратить хотя бы захваченныхъ въ плѣнъ людей, но получили полный отказъ въ содѣйствіи. Тогда они снарядили посольство къ Сафдеръ-Али-хану, который, оставивъ скотъ и имущество киргизъ себѣ, согласился выдать людей за выкупъ въ 21 ямбѣ серебра (около 2500 рублей). Выкупъ киргизы внесли, заповѣренные люди были возвращены и дѣло это кануло бы въ вѣчность, какъ и масса другихъ разбойничьихъ продѣлокъ канджутцевъ, если бы въ него не вмѣшался англійскій комисаръ въ Ладакѣ.

Въ Шахидулла-Ходжѣ проживаетъ негласный англійскій агентъ низшаго разряда эвганецъ Джаль-Магомедъ-ханъ. Агентъ этотъ получилъ письмо отъ англійскаго комиссара въ Ладакѣ, въ которомъ послѣдній рекомендуетъ киргизамъ Сары-Кіи ⁽¹⁾ еще разъ обратиться къ

(1) Средняя часть теченія рѣки Кара-Кошъ-дарья близъ Шахидулла-Ходжи носитъ названіе Сары-Кіи, т. е. желтая трона.

китайскимъ властямъ съ просьбою взыскать съ канджутцевъ ограбленное имущество, а въ случаѣ отказа китайцевъ удовлетворить эту просьбу, обратиться съ жалобою къ нему, англійскому комиссару, причемъ обѣщаль полное свое содѣйствіе и помощь. Письмо это предъявлено было киргизамъ, которые немедленно направились съ жалобою въ Яркендъ. Китайскія власти отказали безусловно въ содѣйствіи своемъ къ возвращенію ограбленнаго имущества. Тогда пострадавшіе направились въ Ладакъ и принесли англійскому комиссару письменное прошеніе, за подписомъ и печатями всѣхъ киргизъ Сары-Кія, въ которомъ просили защитить ихъ отъ канджутцевъ. Прошеніе это развязывало англичанамъ руки, какъ по отношенію къ китайцамъ, такъ и въ особенности—канджутцамъ. Киргизы получили щедрое пособіе, а остъ-индское правительство обратилось съ офиціальнымъ требованіемъ въ Пекинъ—обуздать, подвластный Китаю Канджуть и принять мѣры къ прекращенію беспорядковъ на большой караванной дорогѣ изъ Кашгаріи въ Кашмиръ, такъ какъ грабежи канджутцевъ вредятъ сильно торговымъ интересамъ Англіи. Изъ Пекина послѣдовалъ запросъ мѣстнымъ властямъ въ Кашгарію, которыя поспѣшили отвѣтить, что канджутцы разбойничье племя, подчиненное Китаю номинально, а нападеніе на торговый караванъ и киргизъ совершенно далеко отъ послѣдняго китайскаго караула въ селеніи Кильямъ, а слѣдовательно и внѣ предѣловъ Кашгаріи. Отвѣтъ этотъ сообщенъ былъ изъ Пекина остъ-индскому правительству, которое поспѣшило снарядить экспедицію подъ начальствомъ капитана Янхусбенда для занятія мѣстностей, отъ которыхъ отказывались китайцы. Начальнику экспедиціи поручено было возстановить укрѣп-

леніе въ Шахидулла-Ходжѣ, занять его кашмирскимъ гарнизономъ и принять въ подданство мѣстныхъ киргизъ. Исполнивъ все это, капитанъ Янхусбендъ назначилъ бекомъ въ Сары-Кію мѣстнаго почетнаго киргиза Турды-Кула и ушелъ дальше чрезъ Дангынъ-башъ въ Канджутъ.

Китайскія власти, смотрѣвшія повидимому равнодушно на занятіе англичанами Сары-Кію, съ наступленіемъ поздней осени, когда сообщеніе чрезъ переваль Кара-Карумъ (10,550 футовъ) съ Кашмиромъ сдѣлалось опаснымъ, совершенно неожиданно воспретили вывозъ муки и съѣстныхъ припасовъ изъ Кашгара въ Сары-Кію. Населеніе Сары-Кію и кашмирскій гарнизонъ, не ожидавшіе такого воспрещенія, очутились въ безвыходномъ положеніи. Кашмирцы, опасаясь голода и волненій среди киргизъ, поспѣшили очистить укрѣпленіе и уйти въ Кашмиръ. Тогда явились китайцы, арестовали Турды-Куль-бека, назначили бекомъ своего ставленника, сформировали гарнизонъ изъ мѣстныхъ киргизъ и уѣхали обратно въ Яркендъ. Отъѣздъ китайцевъ совпалъ съ приходомъ экспедиціи.

Укрѣпленіе Шахидулла-Ходжа построено на лѣвомъ берегу рѣки Кара-Кошъ-дарья, противъ устья рѣки Халь-Чушкунъ, на каменномъ руслѣ рѣки. Укрѣпленіе, туземнаго образца, занимаетъ всего около 20 сажень въ квадратъ и состоитъ изъ каменной стѣны съ фланкирующими башенками по угламъ и оборонительною стѣнкою сверху. Входъ въ укрѣпленіе съ южной стороны. Въ настоящемъ видѣ укрѣпленіе военнаго значенія не имѣетъ и можетъ оказать защиту развѣ противъ разбойничьихъ шаекъ канджутцевъ, вооруженныхъ фитильными ружьями или холоднымъ оружіемъ.

Отправивъ нарочнаго въ селеніе Санджу за ячменемъ, баранами, подковами и другими предметами снаряженія, я оставилъ экспедицію близъ Шахидулла-Ходжи и въ сопровожденіи 2 туземцевъ обследовалъ перевалы Кавакъ и Сугеть, ведущіе на верховья рѣки Раскемъ-дарьи, осмотрѣлъ нефритовыя копи по рѣкѣ Кара-Кошъ-дарьѣ и направился къ Кара-каруму. Но сильные морозы достигавшіе по почамъ до—35°. Ц. и болѣзнь спутниковъ заставили меня повернуть обратно въ одномъ переходѣ отъ перевала. Къ экспедиціи мы вернулись 5 Декабря.

Между тѣмъ подошли предметы снаряженія; необыкновенная дороговизна всѣхъ жизненныхъ продуктовъ заставляла торопиться выборомъ дальнѣйшаго пути, а отъ резидента въ Кашмирѣ отвѣта не было. Имѣя достовѣрныя свѣдѣнія, что по распоряженію того же резидента у перваго тибетскаго селенія Пана-микъ выставленъ военный постъ въ 40 человекъ съ цѣлью не пропустить экспедицію въ глубь края, я потерялъ надежду на благопріятный отвѣтъ отъ англичанъ и, снарядившись насколько позволили скромныя средства экспедиціи, двинулся вверхъ по теченію рѣки Кара-Кошъ-дарьи, предполагая отыскать проходъ въ бассейнъ рѣки Юрунгъ-Кошъ-дарьи и дальше въ Тибетъ. Благодаря опытному проводнику, разорившемуся золотопромышленнику, путь этотъ былъ розысканъ. Послѣ 3 переходовъ по тибетскому плоскогорью, абсолютная высота котораго превышала 17,000 футовъ, мы подошли къ мощному хребту, отдѣляющему бассейнъ р. Юрунгъ-Кошъ-дарьи и перевалили его черезъ очень высокій перевалъ названный мною „Русскимъ“ (1). Дальнѣйшая дорога въ селе-

(1) При кипяченіи гипсотермометръ показывалъ на 20 дѣленій ниже предѣльной точки 82.

ніе Полу, гдѣ мы предполагали остановиться на продолжительный отдыхъ, пролегла по золотымъ пріискамъ и была хорошо извѣстна проводнику, но лишенія экспедиціи во время этого движенія перешли за предѣлы возможнаго. Морозы доходили до—32° Ц., при необыкновенно сильныхъ вѣтрахъ, переходившихъ по временамъ въ ураганы. Не говоря о полномъ отсутствіи подножнаго корма и топлива, на протяженіи 4 послѣднихъ переходовъ мы не нашли воды. Для чая мы добывали воду изъ льда, но лошади оставались непоеными и дошли до крайняго изнуренія, причемъ на послѣднемъ переходѣ мы потеряли одну треть всѣхъ лошадей экспедиціи. Вдобавокъ погода испортилась и повалилъ снѣгъ, сопровождаемый жестокой метелью. Мы находились на половинѣ дороги въ Полу, но впереди предстояло перевалить еще два перевала и пройти высокое плоскогорье, на которомъ отыскать дорогу во время метели едва ли представлялось возможнымъ. Такъ какъ падежъ лошадей продолжался и мы уже не могли поднять своихъ вьюковъ, то пришлось повернуть обратно, всего въ 3—4 переходахъ отъ верховьевъ рѣки Керіи и въ 6—7 переходахъ отъ селенія Полу. Бросивъ всѣ тяжести, за исключеніемъ дневниковъ, съемокъ, небольшого запаса серебра и продовольствія на 6 сутокъ, мы пошли обратно и 31 Декабря, въ ночь подъ новый годъ, подошли къ подножью Русскаго перевала. Снѣжная метель и ураганъ достигли невѣроятной силы, при морозѣ—33° Ц. Всѣ члены экспедиціи въ числѣ 13 человекъ сбились въ одну уцѣлѣвшую палатку, стараясь согрѣться собственнымъ дыханьемъ. Не было конца этой ужасной ночи, и гибель экспедиціи казалась несомнѣнной. Зная по опыту, что на самыхъ бурныхъ перевалахъ ураганы

утихаютъ предъ разсвѣтомъ, мы двинулись къ перевалу ночью и на этотъ разъ расчеты не обманули насъ. По мѣрѣ движенія кверху вѣтеръ утихалъ и поднялся съ новою силою тогда, когда мы уже были на западномъ склонѣ Русскаго перевала. 4 Января мы благополучно достигли русла р. Кара-Кошъ-дарьи и вскорѣ затѣмъ вошли въ сношенія съ киргизами Сары-кѣи.

Близъ Шахидулла-Ходжи доставлены мнѣ были 3 письма отъ англійскаго резидента въ Кашмирѣ, въ которыхъ онъ сообщаетъ, что остъ-индское правительство не признало возможнымъ допустить ⁽¹⁾ экспедицію въ Ладакъ и Танкся. Несмотря на то, что Малый Тибетъ лежитъ въ сторонѣ отъ политической границы Индіи, англичане сильно опасались, чтобы экспедиція, не дождавшись отвѣта, не отправилась самовольно въ предѣлы Кашмира и письма съ отказомъ въ пропускѣ направили по разнымъ дорогамъ, а постъ въ сел. Панаминъ усилили эскадрономъ кавалеріи. Письма написаны были по англійски и по персидски, причемъ персидскій текстъ скрѣпленъ было подполковникомъ Диченд'омъ, англійскимъ политическимъ агентомъ въ Гильгитѣ. Подпись эта доказываетъ, что должность политическаго агента въ Гильгитѣ, остававшаяся послѣ маіора Бидейфа въ теченія нѣсколькихъ лѣтъ вакантною, вновь замѣщена.

Одновременно съ этимъ явился ко мнѣ Мусса-бекъ, братъ арестованнаго китайцами Турды-Куль-бека, и доложилъ, что въ укрѣпленіе Шахидулла-Ходжа прибылъ кашмирскій офицеръ съ 5 солдатами и 90 тибетцами и расположился тамъ на зиму. Офицеръ этотъ

(1) Одновременно съ этимъ получено мною извѣстіе, что маіору Кумберланду и лейтенанту Боуеру разрѣшено посѣтить Туркестанъ и что они возвращаются въ Индію чрезъ Россію.

привезъ письмо отъ англійскаго резидента въ Кашмирѣ, въ которомъ послѣдній предписываетъ Турды-Куль-беку представить немедленно самое подробное донесеніе о томъ, какія мѣстности посѣтила, что дѣлала и куда ушла русская экспедиція, а также сообщаетъ, что раннею весною явятся въ Шахидулла-Ходжу инженеры для постройки новаго укрѣпленія изъ жженого кирпича, что въ укрѣпленіи будетъ размѣщенъ кашмирскій баталіонъ и что необходимо заблаговременно озаботиться заготовкою провіанта, рабочихъ, мастеровыхъ и т. д. Затѣмъ, высылая 1,000 рупій Турды-Куль-беку въ жалованье за полгода, резидентъ строго предписывалъ оказать возможное содѣйствіе инженерамъ и поддерживать срочное сообщеніе съ Кашмиромъ, донося о всѣхъ слухахъ изъ Китая и Россіи. По прибытіи въ Шахидулла-Ходжа кашмирцевъ, бекъ, назначенный китайцами, бѣжалъ въ Каргалыкъ. Какъ отнесутся китайцы къ этому новому фазису исторіи съ Шахидулла-Ходжею—пока неизвѣстно. По слухамъ, они намѣрены выстроить новое укрѣпленіе по руслу рѣки Кара-Кошъ-дарьи въ 24 верстахъ ниже Шахидулла Ходжи и запереть доступы на перевалы Кильянгъ и Санджу, по которымъ въ настоящее время поддерживается сообщеніе между Кашмиромъ и Кашгаріею.

Укрѣпившись въ Шахидулла-Ходжѣ, англичане не только захватываютъ въ свои руки всѣ дороги изъ Кашгаріи въ Кашмиръ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически овладѣваютъ громаднымъ годнымъ къ культурѣ и нѣкогда густо населеннымъ бассейномъ рѣки Раскемъ-дарьи, обращенномъ нынѣ канджутцами въ пустыню. Канджутъ окажется оторваннымъ отъ Китая, а распространеніе власти англичанъ надъ Дангнынъ-Башемъ и Пами-

рами—составить только вопросъ времени, если этимъ тихимъ, но несомнѣннымъ успѣхамъ не помѣшаетъ своевременное вмѣшательство Россіи.

Излагая событія, происшедшія въ теченіи послѣднихъ полуторыхъ лѣтъ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Центральной-Азіи, я строго придерживаюсь фактовъ, не дѣлая никакихъ выводовъ и обобщеній. Пусть сдѣлаютъ ихъ люди, не лишенные, какъ я, сообщенія съ міромъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, а главное, люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточены свѣдѣнія со всѣхъ концовъ Азіи, которыя могутъ всесторонне освѣтить эти событія и выяснить, насколько они вредны интересамъ Россіи и какія мѣры слѣдуетъ принять для противодѣйствія этимъ новымъ успѣхамъ Англіи. Задачу мою я буду считать выполненною, если мнѣ удастся обратить должное вниманіе на эту далекую окраину, значеніе которой давно признано англичанами, и далеко не такъ ничтожно, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Б. Л. Громбчевскій.

Лагерь близъ укрѣпленія Шахидулла-Ходжа.

23 Января 1890 г.

Пустая страница

Въ очеркѣ „Современное положеніе памирскихъ ханствъ и пограничной линіи съ Кашмиромъ“, я указалъ на то, что англичане, укрѣпившись въ Шахидулла-Ходжѣ, не только захватятъ въ свои руки все дороги изъ Кашгаріи въ Кашмиръ и фактически овладѣютъ громаднымъ, годнымъ для культуры и нѣкогда густо населеннымъ бассейномъ р. Раскемъ-дарьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ Канджутъ окажется оторваннымъ отъ Китая, а распространеніе англійскаго вліянія на Дагхнынь-Башъ и Памиры, составитъ только вопросъ времени.

Къ сожалѣнію, предположеніямъ этимъ суждено было оправдаться скорѣе, чѣмъ я думалъ.

Вернувшись въ долину Кашгаріи лѣтомъ 1890 г. я узналъ, что канджутскій ханъ, за ежегодную субсидію въ размѣрѣ 15 т. рупій, заключилъ съ остт-индскимъ правительствомъ письменный договоръ, на основаніи котораго всталъ къ Англіи въ такія же отношенія, въ какихъ къ ней находятся другія вассальныя, но полунезависимыя ханства, какъ напр. Чатраръ и Ясинъ. Послѣдствія этого договора сказались, между прочимъ въ томъ, что владѣтель Канджута открыто нарушилъ свои вассальныя отношенія къ Китаю, напалъ на Памиръ Дагхнынь-Башъ, захватилъ и увелъ въ плѣнъ мѣстнаго китайскаго бека Кучъ-Махомета со всей семьей и имуществомъ и освободилъ его только послѣ того, какъ китайская администрація уплатила за Кучъ-Махометъ-бека и семью его выкупъ въ размѣрѣ 5 ямбъ серебра

(около 600 руб.). При этомъ Сафдеръ-Али-ханъ, оставляя у себя весь скотъ и имущество бека и объявивъ китайцамъ, что Дангнынъ-Башъ и Малый Памиръ онъ считаетъ своею собственностью, назначилъ, вмѣсто Кучъ-Махомета, бекомъ дангнынбашскаго киргиза Акылъ-Джана и предупредилъ китайцевъ, что если они не утвердятъ этого назначенія, то онъ съ каждымъ новымъ бекомъ поступитъ такъ-же, какъ поступилъ съ Кучъ-Махометомъ. Китайскія власти въ Кашгаріи, сознавая полное свое безсиліе и невозможность наказать канджутскаго хана, поспѣшили утвердить Акылъ-Джана въ должности, а освобожденнаго изъ плѣна Кучъ-Махомета бека, который добивался возвращенія своего имущества и вооруженною рукою готовъ былъ поддержать свои претензіи къ канджутцамъ, отозвали въ Кашгаръ, обѣщая дать ему другое назначеніе, но обѣщанія своего не исполнили и его самого арестовали.

Въ началѣ Октября 1890 г., я встрѣтилъ Кучъ-Махомета въ Кашгарѣ и, видя его бѣдственное положеніе, насколько могъ помочь ему матеріально, вознаграждая его услуги, оказанныя экспедиціи при переходѣ чрезъ Дангнынъ-Башъ. Трудно допустить, чтобы владѣтель Канджута осмѣлился такъ открыто напасть на китайскаго бека, если-бы на рѣшеніе его не вліяли внушенія англійскаго резидента въ Гильгитъ. На захватъ канджутцами Дангнынъ-Баша и Малаго Памира, я останавливаюсь только потому, что крайній пунктъ, занятый нынѣ канджутцами, или, вѣрнѣе, скрывающимися за ними англичанами, — ур. Акъ-Ташъ на верховьяхъ р. Акъ-су, отстоятъ всего въ трехъ дняхъ караванной дороги отъ русской границы.

Занятіе Шахидулла-Ходжи англичанами находится

въ прямой связи съ успѣхомъ политики ихъ въ Кашмирѣ. Англичанамъ, какъ извѣстно, удалось прочно укрѣпиться въ Кашмирѣ, магараджа котораго, подъ предлогомъ неумѣнья вести финансы страны, удаленъ отъ управленія, а дѣлами въ настоящее время управляетъ совѣтъ изъ 8 членовъ, подъ предсѣдательствомъ англійскаго резидента въ Кашмирѣ полковника Nisbet'a. Въ совѣтѣ этомъ только 4 члена кашмирцы, а остальные —англичане, причемъ двое изъ кашмирцевъ—близкіе родственники устраненнаго кашмирскаго магараджи и претенденты на престолъ, а слѣдовательно люди, заискивающіе передъ англичанами.

Подводя итогъ всему изложенному въ обоихъ очеркахъ, нельзя не прійти къ заключенію, что занятіе англичанами въ теченіи 1889 г. Чатрара, Канджута и Кашмира, словомъ движеніе впередъ по всей пограничной линіи составляетъ не случайное явленіе, а строго обдуманый планъ обороны Индіи, систематически приводимый въ исполненіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что планъ этотъ выработался вслѣдствіе убѣжденія, что оплотъ, въ видѣ могущественнаго въ Средней-Азіи Авганистана, противъ предполагаемаго движенія русскихъ въ Индію, не выдерживаетъ критики, какъ это ясно показали событія конца 1888 г., когда совершенно неожиданно отложился весь Сѣверный-Авганистанъ. Повидимому, англичане, наученные горькимъ опытомъ,—рѣшили не только прочно укрѣпиться къ югу отъ Гиндукуша, но и захватить въ свои руки все, что удастся къ сѣверу отъ этого горнаго хребта. Подтвержденіемъ вышеизложеннаго служитъ занятіе авганцами не только Чаръ-Вилаета и Бадахшана, но и памирскихъ ханствъ: Вахана, Шугнана, Рошана (чѣмъ существенно нару-

шается англо-русское соглашеніе 1872—73 г., по которому условлено было между обоими государствами, что вліяніе Россіи не будетъ распространено на лѣвый берегъ Панджа, а вліяніе Англіи или Авганистана на правый берегъ) и Кафиристана, и постройка англичанами укрѣпленій въ Шахидулла-Ходжѣ.

Лѣтомъ 1890 г., работая надъ изслѣдованіемъ средняго теченія рѣки Яркендъ-дарьи, я узналъ, что въ Яркендѣ прибыла большая англійская экспедиція подъ начальствомъ капитана Younghusband'a. Офицеръ этотъ извѣстенъ своей смѣлой поѣздкой изъ Пекина, чрезъ весь Китай въ Яркендѣ и далѣе, чрезъ Мустагскій хребетъ въ Кашмиръ (въ 1886 г.), и заключеніемъ договора съ правителемъ Канджута (въ 1889 г.). Для меня было очевидно, что столь опытный агентъ командированъ былъ англійскимъ правительствомъ, для выполненія важныхъ предначертаній. Поэтому, закончивъ работы, я поспѣшилъ въ Яркендѣ, гдѣ засталъ англичанъ въ разгарѣ переговоровъ съ мѣстными китайскими властями. Экспедиція эта, какъ и всѣ англійскія, снаряжена была болѣе чѣмъ роскошно. Кромѣ капитана Younghusband'a, въ составѣ экспедиціи находились: капитанъ Beech, лейтенантъ Lenard, переводчикомъ англичанинъ Marccariney, секретаремъ китаецъ, а также врачъ, пундиты, конвой изъ индійскихъ и кашмирскихъ солдатъ и многочисленная толпа прислуги изъ авганцевъ, кашмирцевъ и жителей Мал. Тибета. Что переговоры съ китайскими властями должны были вестись совершенно секретно, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что капитанъ Younghusband, не довѣряя скромности переводчиковъ изъ туземцевъ, привезъ съ собою переводчика англичанина, а секретаремъ—китайца, родившагося въ Индіи. Тѣмъ не менѣе, при

нѣкоторомъ умѣннѣи ладить съ китайцами, мнѣ не трудно было узнать, что цѣль переговоровъ состояла въ раздѣленіи Памировъ между Авганистаномъ и Китаемъ. Яркендскій амбанъ лично мнѣ рассказывалъ, что пріѣздъ Younghusband'a совпалъ съ активнымъ движеніемъ авганцевъ, которые лѣтомъ 1890 г. напали невзначай на памирскихъ киргизъ, считающихъ себя китайскими подданными и угнали 60 кибитокъ этихъ киргизъ въ Шугнанъ.

Такъ какъ раздѣленіе Памировъ существенно затрагиваетъ интересы Россіи въ этомъ отдаленномъ углу Центральной-Азіи, то, по долгу службы, считаю необходимымъ указать на это обстоятельство, присовокупляя, что переговоры ведутся только въ настоящее время съ мѣстными китайскими властями и что Россіи вѣроятно не трудно будетъ помѣшать утвержденію ихъ, пока переговоры эти не облечены въ форму ратификованнаго договора, а китайцы не связаны статьями, расторженіе коихъ можетъ оказаться впослѣдствіи невозможнымъ. Лучшимъ же исходомъ было бы продолжить разграниченіе русскихъ владѣній отъ китайскихъ, доведенное въ 1883—84 г.г. до истока р. Мальтабаръ къ югу отъ нашего Иркештанскаго укрѣпленія т. е. какъ разъ до Памировъ.

Памиры всегда входили въ составъ бывшаго Кокандскаго ханства (нынѣ Ферганская область), и управлялись ставленниками кокандскихъ хановъ. Мѣстное киргизское кочевое населеніе хорошо помнитъ это обстоятельство и никогда не отрицаетъ, что оно принадлежало Кокандскому ханству; наконецъ, вездѣ на Памирахъ до настоящаго времени существуютъ развалины укрѣпленій, въ которыхъ жили ставленники кокандскихъ хановъ. Самымъ южнымъ укрѣпленіемъ слѣдуетъ считать развалины Бозай-и-Гумбеза (на истокахъ р. Ваханъ-дарьи,

на Маломъ Памирѣ). Здѣсь жилъ послѣдній правитель Памировъ, Бозай-Датха, назначенный кокандскимъ ханомъ Худояромъ, 27 лѣтъ тому назадъ, убитый въ стычкѣ съ разбойничьей шайкой канджутцевъ. Тѣло Бозай-Датхи погребено у самаго укрѣпленія, а надъ могилой воздвигнута гробница, отъ которой и самая мѣстность получила свое названіе. (Бозай-и-Гумбезъ—гробница Бозая). Занявъ Кокандское ханство, Россія естественно имѣла полное право занять и Памиры, т. е. встать твердой ногою на Гиндукушѣ. Покойный туркестанскій генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ не занялъ Памировъ, руководствуясь, насколько мнѣ извѣстно, между прочимъ, слѣдующими соображеніями: 1) Движеніе русскихъ въ глубь Центральной-Азіи всегда вынуждалось необходимостью и нерѣдко не только не одобрялось центральнымъ правительствомъ, но, подчасъ, и шло въ разрѣзъ съ указаніями, даваемыми изъ С.-Петербурга. Занятіе Памировъ и появленіе русскихъ на Гиндукушѣ естественно должно было встревожить англійское правительство, чего, по обстоятельствамъ того времени (турецкая война 1877 г.), желательно было избѣгнуть. 2) Памиры въ то время были почти пустыни, такъ какъ рѣдкое кочевое населеніе подвергалось непрерывнымъ нападеніямъ разбойничьихъ шаекъ, независимыхъ тогда хановъ Канджута, Чатрара, Вахана и Шугнана. Занявъ Памиры, Россія вынуждена была бы охранять своихъ новыхъ подданныхъ и, слѣдовательно, пришла бы въ столкновеніе съ вышеупомянутыми ханами, что было тоже крайне нежелательно. 3) Памиры съ запада и юга окружены были только что перечисленными мелкими ханствами, а съ востока Кашгарією, которою управлялъ въ то время Якубъ-бекъ. Всѣ эти

ханства не могли представить никакого сопротивленія могущественной Россіи и, слѣдовательно, Памиры могли быть заняты при первой необходимости. Въ настоящее время обстоятельства рѣзко измѣнились и, какъ мы видѣли выше, Шугнанъ и Ваханъ заняты авганцами, Чат-раръ, Ясинъ и Капджуть—англичанами, а Кашгарія—китайцами. Слѣдовательно, въ настоящее время, Памиры окружаютъ сильныя державы, изъ коихъ Китай фактически занялъ большую часть Памировъ. Самовольный захватъ этотъ, относясь совершенно безпристрастно, нельзя не признать несправедливымъ, не только вслѣдствіе вышеизложенныхъ правъ Россіи на Памиры, но и вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній: 1) Прежніе китайцы, т. е. китайцы, владѣвшіе Кашгаріей до захвата этой страны Якубъ-бекомъ въ началѣ 60-хъ г.г., не распространяли своихъ владѣній дальше окраинъ восточныхъ склоновъ Тянь-Шаня и Кашгарскаго хребта, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся до настоящаго времени прежнія китайскія укрѣпленія по линіи Артышь-Мингъ-Юль, Упаль, Игизъ-Яръ и т. д. Якубъ-бекъ, завладѣвъ Кашгаріей, и укрѣпившись въ ней, воспользовался слабостью и внутренними междоусобіями, раздиравшими Кокандское ханство и выдвинулъ передовые посты свои въ глубь горъ Тянь-Шаня и Кашгарскаго хребта и укрѣпился на линіи Чакмакъ-Улутчатъ и Ташъ-Курганъ въ Сары-Колѣ, но на Памиры вліянія своего не распространялъ. Когда въ 1877 г. умеръ Якубъ-бекъ, а сынъ его Бекъ-Кули-бекъ, занятый подавленіемъ внутренняго возстанія, не въ состояніи былъ дать отпоръ китайцамъ, то послѣдніе вновь завладѣли Кашгаріею и остановились на пунктахъ, занятыхъ прежде Якубъ-бекомъ, т. е. на линіи Чакмакъ-

Ташъ-Курганъ. Въ 1883 г. памирская экспедиція капитана Путяты встрѣтила китайскіе посты уже по р. Муджи (истокъ Геза), но дальше къ западу Памиры не были заняты китайцами. Въ 1888 г., во время путешествія въ Канджугъ, я совершенно неожиданно наткнулся на китайскіе посты по р. Акъ-су. Въ 1889 г., слѣдую изъ Ферганской области чрезъ Пудару (Кокъ-джаръ) и Памиры до Гиндукуша, я былъ свидѣтелемъ, какъ начальникъ пограничной линіи Джанъ-Доринъ назначилъ бековъ по р. Аличуръ, т. е. съ 1883 по 1887 г. китайцами занять почти весь Памиръ и во 2-хъ) Владѣютъ китайцы Памирами совершенно номинально. Они не только не берутъ въ свою пользу никакой подати съ мѣстнаго населенія, но и не въ состояніи охранить его отъ вымогательствъ канджутскаго хана, который, какъ сказано выше, взимаетъ подать, чинить судъ и расправу. Вся власть китайцевъ заключается въ томъ, что, назначивъ беками родовичей изъ мѣстныхъ киргизъ, награждая ихъ чинами и небольшимъ жалованьемъ, они заставляютъ ихъ прѣзжать разъ въ годъ на поклонъ кашгарскому ДаоТаю и доносить себѣ о всѣхъ слухахъ въ сосѣднихъ ханствахъ.

Въ военныхъ сферахъ составилось убѣжденіе, что дороги чрезъ Памиры и Гиндукушъ, какъ пролегающія по мѣстности не ниже 12,000 футовъ, съ перевалами въ 15—16,000 футовъ, для движенія войскъ непроходимы. Взглядъ этотъ едва ли можно назвать правильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Я изъѣздилъ Памиры по всѣмъ направленіямъ и никогда ни лично самъ, ни мои спутники не страдали отъ движенія по мѣстности съ разрѣженной атмосферой. Доблестныя туркестанскія войска въ 1876, 81

и 82 г. г. въ составѣ цѣлыхъ отрядовъ, съ громаднымъ обозомъ, полевой и горной артиллеріей, переваливали трудный Алайскій хребетъ въ долину Большаго-Алая и дальше на озеро Большой Кара-куль (13,600 фут.), жили тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ и санитарное состояніе войскъ было блестяще. Такой же примѣръ можно указать и въ китайскихъ войскахъ, которыя, въ составѣ нѣсколькихъ тысячъ, преслѣдуя одного изъ претендентовъ на кашгарскій престолъ Джахангиръ-ходжу, прошли Памиры до озера Яшилъ-куля, укрѣпились по обѣимъ сторонамъ его и, перезимовавъ, благополучно вернулись въ Кашгарію. Развалины этихъ укрѣпленій существуютъ до настоящаго времени и извѣстны у мѣстнаго населенія подъ именемъ: „Кафиръ-Кала“, т. е. укрѣпленія невѣрныхъ.

2) Дороги по Памирамъ настолько удобны, что при самой незначительной разработкѣ переваловъ и нѣкоторыхъ подъемовъ и спусковъ, допускаютъ возможность движенія даже орудій въ запряжкѣ. Перевалы въ 15 и болѣе тысячъ футовъ не могутъ задержать наступленія войскъ, такъ какъ подступы къ нимъ тянутся полого на цѣлые десятки верстъ и притомъ перевалы эти возвышаются надъ окружающею мѣстностью всего на 2—3 тысячи футовъ. Перевалы же въ Гиндукушѣ: Каликъ, ведущій въ Канджутъ, и Барогиль, ведущій въ Чатраръ,— настолько удобны, что допускаютъ возможность движенія войскъ безъ всякихъ исправленій. Правда, спускъ съ переваловъ и движеніе въ глубь Индіи по узкимъ щелямъ сѣверныхъ истоковъ Инда представляетъ громаднѣйшее затрудненіе и, безъ серьезныхъ исправленій, для движенія недоступны. Но разстояніе отъ переваловъ до проведенныхъ англичанами по Кашмиру шоссе

не превышаетъ 200 верстъ и, при сочувствіи къ намъ мѣстнаго населенія, снабженнаго для разработки дорогъ усовершенствованными орудіями, могутъ быть быстро исправлены.

3) Въ долину Большаго Алая, этомъ сѣверномъ уступѣ Памировъ, ежегодно лѣтомъ собираются нѣскольکو тысячъ самыхъ богатыхъ киргизъ Ферганской области, пригоняющихъ съ собою сотни тысячъ барановъ и десятки тысячъ головъ лошадей и верблюдовъ; слѣдовательно, на Алаѣ мы имѣемъ естественную базу,—обстоятельство первой важности въ случаѣ столкновенія съ Индіей.

4) Памиры далеко не безлюдная пустыня и тамъ повсемѣстно встрѣчается подножный кормъ.

Излагая все вышеприведенное, я вовсе не хотѣлъ бы вселить убѣжденіе, что дорога чрезъ Памиры есть самый удобный путь въ Индію. Наоборотъ, я глубоко убѣжденъ, что въ случаѣ столкновенія съ Индіей, главные силы русскихъ войскъ будутъ двинуты со стороны Закаспійской области чрезъ Герать и частью изъ Туркестана чрезъ Бамьянъ на Кабуль. Но думаю, что посылка чрезъ Памиры въ Кашмиръ 3—4 тысячнаго корпуса не только вынудитъ англичанъ отказаться отъ мысли воспользоваться кашмирскими войсками для борьбы съ Россіей, но, въ силу недовольства кашмирцевъ англичанами, усиленнаго изложеніемъ въ настоящее время кашмирскаго магараджи, заставитъ англичанъ выдѣлить часть войскъ изъ внутренней Индіи для наблюденія за Кашмиромъ. Такимъ образомъ, появленіе даже небольшого отряда русскихъ войскъ со стороны Памировъ отвлечетъ громадныя силы у англичанъ и въ значительной степени облегчитъ задачу главнаго операціоннаго корпуса.

Въ силу вышеизложенныхъ соображеній Памиры имѣютъ несомнѣнную важность для Россіи. Я считаю не менѣе необходимымъ поддерживать дружественныя отношенія съ мелкими ханствами, расположенными на южныхъ склонахъ Гиндукуша. Въ очеркѣ „Современное положеніе памирскихъ ханствъ и пограничной линіи съ Кашмиромъ“ я, между прочимъ, указывалъ на симпатіи этихъ народовъ къ намъ русскимъ и на просьбу канджутскаго хана о принятіи въ подданство Россіи. Обстоятельства и угрозы англичанъ заставили владѣтеля Канджута встать въ вассальныя къ Англіи отношенія. Но насколько заключенный вновь съ Англіей договоръ непроченъ можно судить изъ того, что послѣ подписанія договора, канджутскій ханъ два раза письмами приглашалъ меня посѣтить его, и изъ того, что, какъ Younghusband съ нескрываемою злостью рассказывалъ мнѣ лѣтомъ 1890 г. въ Яркендѣ, канджутскій ханъ, подписавъ договоръ и получивъ субсидію, на приглашеніе Younghusband'a посѣтить Индію отвѣтилъ: „Я и мой Великій Покровитель, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III—мы въ Индію не ѣздимъ“.

Соглашаясь вполне, что державѣ столь могущественной, какъ Россія неумѣстно вступать въ письменныя сношенія съ такими мелкими и непривычными сдерживать свои обязательства ханами, какъ напримѣръ владѣтель Канджута, я, прослуживъ 16 лѣтъ въ Азіи и близко изучивъ характеръ азіатовъ полагалъ бы полезнымъ, ради поддержанія престижа и обаянія Россіи, удовлетворять ихъ мелкія просьбы. Такъ, два года тому назадъ канджутскій ханъ убѣдительно просилъ подарить ему хотя бы 100 берданокъ и 2 горныхъ орудія. Казалось бы, что просьбу эту можно было бы удовлетворить част-

но, не связывая себя никакими обязательствами, напр. въ видѣ подарка за гостепріимство и радушіе, оказанныя мнѣ, русскому офицеру, и моему небольшому конвою во время бытности нашей за Гиндукушемъ. Подарокъ такой не только расположилъ бы окончательно правителя Канджута въ нашу пользу, но и поднялъ бы престижъ и обаяніе Россіи, какъ въ этой странѣ, такъ и въ сосѣднихъ ханствахъ. Исполнить это было бы тѣмъ удобнѣе, что англичане тщательно скрываютъ фактъ заключенія ими договора и, официально, вассальныя отношенія Канджута къ Индіи нашему правительству неизвѣстны.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, событія, на которыя считаю нужнымъ обратить вниманіе. Повторяю, что англичане двигаются впередъ по всей линіи и двигаются систематически, по строго обдуманному плану. Если имъ удастся добиться раздѣленія Памировъ, при томъ въ такомъ видѣ, какъ мнѣ случайно пришлось видѣть на картѣ капитана Youghusband'a, т. е. по хребту праваго берега рѣки Акъ-су, то въ рукахъ авганцевъ, или вѣрнѣе—англичанъ,—окажутся не только все дороги чрезъ Памиры, но и сами они очутятся всего въ одномъ переходѣ отъ оз. Большаго-Кара-куля, и отъ долины Большаго-Алая, важное значеніе которой мною уже указано. Такое близкое сосѣдство съ Ферганской областью, такъ недавно еще присоединенной и содержащей столь много горючаго матеріала,—врядъ ли удобно. Не слѣдуетъ забывать, что не дальше какъ въ 1885 г. Фергану охватило весьма сильное движеніе, не перешедшее въ поголовное возстаніе только благодаря рѣшительнымъ и крутымъ мѣрамъ администраціи, притомъ движеніе при содѣйствіи авганцевъ, явно вызванное нау-

женіями извнѣ. Наконецъ, если дороги чрезъ Памиры теперь удобны для движенія нашего въ Индію, то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ будутъ еще удобнѣе очутившись въ рукахъ англичанъ, для движенія въ наши владѣнія и помогутъ осложнить наше положеніе въ самую критическую минуту, когда намъ можетъ понадобится напряженіе всѣхъ силъ нашихъ въ Азіи. Поэтому, ради собственнаго спокойствія и поддержанія престижа Россіи, доставшагося намъ дорогою цѣною, казалось бы необходимымъ остановить англичанъ и дать имъ соотвѣтствующій отпоръ, для чего, какъ сказано выше, лучшимъ средствомъ было бы приступить къ немедленному дальнѣйшему разграниченію съ Китаемъ, а если обстоятельства будутъ благопріятны, то и съ Афганистаномъ.

Б. Л. Громбчевскій.

С.-Петербургъ. 3 Января 1891 г.